

Источник: Трои и Крессида. Перевод Т. Гнедич // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах. М.: Искусство, 1959. Т. 5. С. 325-467. + Смирнов А. Трои и Крессида // Там же. С. 621-627. + Смирнов А. Примечания к тексту «Трои и Крессиды» // Там же. С. 627-630.

325

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПРИАМ, царь троянский.
ГЕКТОР
ТРОИЛ
ПАРИС
ДЕИФОБ
ГЕЛЕН
МАРГАРЕЛОН, побочный сын Приама.
ЭНЕЙ
АНТЕНОР
КАЛХАС, троянский жрец, сторонник греков.
ПАНДАР, дядя Крессиды.
АГАМЕМНОН, греческий полководец.
МЕНЕЛАЙ, брат его.
АХИЛЛ
АЯКС
НЕСТОР
ДИОМЕД
ПАТРОКЛ
ТЕРСИТ, безобразный и непристойный грек.
АЛЕКСАНДР, слуга Крессиды.
МАЛЬЧИК, слуга Троила.
СЛУГА Париса.
СЛУГА Диомеда.
ЕЛЕНА, жена Менелая.
АНДРОМАХА, жена Гектора.
КАССАНДРА, дочь Приама, пророчица.
КРЕССИДА, дочь Калхаса.

Троянские и греческие воины, слуги.

Место действия – Троя и греческий лагерь.

327

ПРОЛОГ

Пред вами Троя. Вот могучий флот
Властителей. Их непреклонный дух

Воспламенен обидою и гневом;
В Афинах приготовили они
Тьму кораблей, отлично оснащенных
Орудиями яростной войны.
Во Фригию теперь они спешат:
Все греки поклялись разрушить Троию,
Затем что там, за крепкими стенами,
Прекрасная супруга Менелая
С красавчиком Парисом почивает.
И вот уже достигли Тенедоса
Их глубоко сидящие суда
С военным грузом. Вот уже в долине
Дардании разбили лагерь греки,
Еще не побывавшие в боях.
Приама город высится пред ними,
И шесть его прославленных ворот
За крепкими запорами надежно
Хранят своих сынов.
И ожиданье битвы возбуждает
Драчливый пыл у греков и троянцев;
Но я сюда явился перед сами
В доспехах ратных вовсе не затем,
Чтоб этим сочинителя-поэта
Или актера лучше ублажить,
Но чтобы в подобающем наряде

328

Вам, зрителям почтенным, объявить,
Что, пропустив начало этой распри,
Мы с середины дело поведем,
Но все покажем в пьесе – день за днем.
Нам ваши похвала и осужденье –
Как воинам успех иль поражение.

(Уходит.)

329

АКТ I.

СЦЕНА 1.

Троя. Перед дворцом Приама.

Входят ТРОИЛ и ПАНДАР.

ТРОИЛ

Где мой слуга? Снимаю я доспехи.
Как мне сражаться под стенами Трои,
Когда жестокий бой в груди моей?
Пускай любой сражается троянец,
Свободный сердцем. Я, Троил, пленен!

ПАНДАР

Ужель исправить этого нельзя?

ТРОИЛ

Умны, искусны и отважны греки,
И хитростью, и храбростью сильны,
А я теперь слабее женских слез,
Восторженной невежд, смиренной спящих,
Трусливей девы, в темноте бредущей,
Неопытней, чем малое дитя.

ПАНДАР

Ладно уж. Я довольно говорил с тобою об этом; теперь я
больше не вмешиваюсь. Помни только: хочешь дождаться
пирога, умей дождаться размола!

330

ТРОИЛ

А разве я не ждал?

ПАНДАР

Размола-то ты ждал, но нужно еще подождать, пока муку
просеют!

ТРОИЛ

А разве я не ждал?

ПАНДАР

Ну, допустим, ждал; но надо ж дать и тесту взойти!

ТРОИЛ

Да я и этого ждал!

ПАНДАР

Ну, допустим, ждал, но надо еще и пирог сделать, и печь
затопить, и пирог испечь, да еще и дать ему остыть, а то
можно и обжечься!

ТРОИЛ

Поверь мне! Даже бледное Смиренье
Страданьем не томится так, как я:
Сижу я за Приамовым столом,
А предо мной прекрасная Крессида
Является в мечтах – и я, изменник,
Изгнать ее из сердца не могу!

ПАНДАР

Да, вчера вечером она была прекрасней, чем когда-либо:
прекрасней всех женщин на свете.

ТРОИЛ

Порою сердце у меня в груди
От скорби разрывается на части,
Но я боюсь, чтоб Гектор иль отец мой
Страданья моего не разгадали.
Как солнце в бурю освещает тучи,
Так я улыбкой прячу боль свою,
Но скорбь не скрыть веселостью притворной:
Она прорвется вновь печалью черной!

ПАНДАР

Да что там говорить! Не будь ее волосы немного потемнее,
чем у Елены, нельзя бы и решить, которая из них лучше.
Мне, конечно, как родственнику не пристало хвалить ее, но
вот если бы кто-нибудь послушал, как она говорит... Я,
конечно, не отрицаю таланта сестры твоей, Кассандры, но...

331

ТРОИЛ

О, мой Пандар, Пандар! Скажу тебе,
Что я похоронил свои надежды.
Они зарыты очень глубоко.
Не трогай их, о друг мой! Я – безумец!
Когда ты говоришь: «Она прекрасна»,
Ее глаза, улыбка, нежный голос,
Ее уста и кудри возникают
В открытой ране сердца моего.
Не вспоминай ее прекрасных рук:
Все белое темнеет перед ними
И собственной стыдится черноты,
А по сравненью с их прикосновеньем

Лебяжий пух покажется грубее,
Чем пахаря корявая ладонь.
Ты прав! Ты прав: да, я ее люблю,
Но утверждение это не бальзам
Для страждущего сердца моего,
А острый нож!

ПАНДАР

Я говорю лишь правду.

ТРОИЛ

И все же ты всей правды не сказал!

ПАНДАР

Нет, клянусь, я больше не вмешиваюсь. Она такова, какова
есть. Если она прекрасна, тем лучше для нее, если нет –
средства похорошеть всегда у нее под рукой.

ТРОИЛ

Ах, добрый мой Пандар! Что же мне делать, Пандар?

ПАНДАР

Я уже получил по заслугам за мое участие в этом деле: с
моей стороны неприязнь, и с твоей – неприязнь.
Посредничаю, посредничаю, а благодарности не вижу.

ТРОИЛ

Как! Ты сердишься, Пандар? На меня сердишься?

ПАНДАР

Видишь ли, она мне родственница, и я не могу утверждать,
что она так же хороша, как Елена, но, не будь она мне
родственницей,

332

я сказал бы, что не знаю, которая лучше: Крессида и в будни
хороша, а Елена – по праздникам. Впрочем, какое мне дело
до всего этого? Да будь она черна, как мавританка, – мне все
равно.

ТРОИЛ

Да я же и говорю, что она прекрасна!

ПАНДАР

А какое мне дело до того, что ты говоришь? Дура она, что сидит в Трое: отправлялась бы лучше с отцом к грекам. Как только увижу ее, прямо об этом скажу. А впрочем – и вмешиваться не хочу и знать ничего не хочу!

ТРОИЛ

Пандар!

ПАНДАР

Нет! И не уговаривай!

ТРОИЛ

Пандар, дорогой мой!

ПАНДАР

Прошу тебя, не говори со мной больше об этом. Я хочу забыть об этом – и делу конец. (*Уходит.*)

Тревога.

ТРОИЛ

Умолкните, о мерзостные крики!
Глупцы мы все – и греки и троянцы.
Поистине Елена хороша,
Коль собственной кровью ежедневно
Ее мы подтверждаем красоту.
Но не могу сражаться я за это:
Сей довод слаб для моего меча.
Но Пандар мой!.. О боги! До чего же
Терзаете вы бедного меня!
Один лишь Пандар мне помочь способен,
Но так же он упрям и неподкупен,
Как гордая Крессида холодна.
Открой мне, Аполлон, во имя Дафны,
Которую любил ты, – что такое
Крессида, Пандар? Что мы все такое?
Как Индии жемчужина, сияет
Она в своем дому. Нас разделил

333

Стремительный поток – свирепый, дикий.
Я лишь купец, а храбрый мой Пандар
И лодка мне, и кормчий, и надежда!

Тревога.

Входит Эней.

Эней

Царевич, что ж ты не на поле боя?

Троил

А просто так. По-женски я ответил
И, сознаю, по-женски поступил.
Но расскажи, Эней, какие вести?

Эней

Не повезло Парису: ранен он.

Троил

Кем ранен он?

Эней

Да, слышно, Менелаем.

Троил

Парису поделом – терпи и знай:
Тебя проткнул рогами Менелай.

Тревога.

Эней

Пошла потеха! Есть где разгуляться!

Троил

А мне-то что ж? Томиться и скрываться?
Куда ты, друг? Спешись вернуться в бой?

Эней

Спешу! Лечу!

Троил

Идем же: я с тобой!

Уходят.

334

СЦЕНА 2.

Там же. Улица.

Входят КРЕССИДА и слуга ее АЛЕКСАНДР.

КРЕССИДА

Кто там пришел?

АЛЕКСАНДР

Гекуба и Елена.

КРЕССИДА

Куда они спешат?

АЛЕКСАНДР

К Восточной башне.

Оттуда лучший вид на всю равнину:

Они желают битву наблюдать.

Ведь даже Гектор, терпеливый нравом,

Не выдержал сегодня, говорят:

Супругу разбил, избил слугу

И, как усердный пахарь, до рассвета

Вскочил, надел доспехи и помчался

На поле боя. Там рососою страха

Покрылись нынче все цветы и травы,

Пророчески оплакивая беды,

Которые несет с собою многим

Гнев Гектора.

КРЕССИДА

Но чем же он разгневан?

АЛЕКСАНДР

Да слух идет, что есть у греков воин

Троянской крови, Гектора племянник,

По имени Аякс...

КРЕССИДА

Ну, дальше что?

АЛЕКСАНДР

Он, говорят, силач непревзойденный;

Такого с ног не свалишь.

КРЕССИДА

Ну, таковы все мужчины, если они не пьяны, не больны и не
безноги.

АЛЕКСАНДР

Но этот, госпожа, у многих животных позаимствовал
присущие им свойства; он храбр как лев, груб как медведь,
медлителен как

335

слон; это человек, в котором природа все нагромодила; его
доблесть доходит до глупости, а глупость приправлена
рассудительностью. В нем есть и проблески всех
добродетелей, и задатки всех пороков. Он и грустит и
веселится беспричинно: все у него шиворот-навыворот, все
ему дано и все не к месту. Он как бы Бриарей, заболевший
подагрой: рук много, а толку мало, или как бы ослепший
Аргус: глаз уйма, а ничего не видит.

КРЕССИДА

Но у меня такой человек вызывает только улыбку. Чем же он
так рассердил Гектора?

АЛЕКСАНДР

Да говорят, что вчера он во время боя сбил Гектора с ног; а
это уж такой позор, такой стыд, что Гектор с тех пор не спит
и не ест.

Входит ПАНДАР.

КРЕССИДА

Кто там?

АЛЕКСАНДР

Дядюшка ваш Пандар, госпожа.

КРЕССИДА

Гектор – храбрый человек.

АЛЕКСАНДР

Самый храбрый в мире, госпожа.

ПАНДАР

О чем речь? О чем речь?

КРЕССИДА

С добрым утром, дядюшка Пандар!

ПАНДАР

С добрым утром, племянница! О чем вы тут толкуете? –
Здравствуй, Александр. – Ну как ты живешь, племянница?
Когда ты была в Илионе?

КРЕССИДА

Сегодня утром, дядюшка.

ПАНДАР

Ну так о чем же вы толковали, когда я вошел? Что, Гектор
уже был в бою, когда ты явилась в Илион? А как Елена? Еще
не вставала?

336

КРЕССИДА

Гектора уже не было, а Елена еще не вставала.

ПАНДАР

Еще бы: Гектор-то поднялся рано!

КРЕССИДА

Об этом мы и толковали, и еще о том, как он был разгневан.

ПАНДАР

А разве он был разгневан?

КРЕССИДА

Да вот он говорит.

ПАНДАР

А ведь правда был! Я даже и причину его гнева знаю. Ну уж
скажу вам: будет он сегодня все вокруг себя крушить, да и
Троил от него не отстанет, и Троила нужно побаиваться, уж
будьте уверены!

КРЕССИДА

Как! Разве он тоже разгневан?

ПАНДАР

Кто? Троил? Да Троил еще почище Гектора!

КРЕССИДА

Юпитер! Между ними и сравнения быть не может!

ПАНДАР

Как! Не может быть сравнения между Троилом и Гектором?
Да как ты можешь судить о человеке с первого взгляда?

КРЕССИДА

А если взгляд не первый? Если я его раньше знала?

ПАНДАР

Ну, словом, Троил есть Троил.

КРЕССИДА

Так ведь ты повторяешь мои слова: и я уверена, что он не Гектор.

ПАНДАР

Ну, да и Гектор не Троил.

337

КРЕССИДА

Справедливо: каждый из них сам по себе.

ПАНДАР

По себе? Увы! Бедный Троил сам по себе, но не в себе!

КРЕССИДА

Нет – и по себе и в себе.

ПАНДАР

Ах, если бы это было правдой, я бы готов босиком в Индию сходить!

КРЕССИДА

А впрочем, я знаю только, что он не Гектор.

ПАНДАР

Но он не в себе, уверяю тебя, он не в себе. Боги тому свидетели. Время, конечно, лучший врач... Ах, Троил, Троил! Как бы я хотел, чтобы она смотрела на тебя моими глазами! Нет, Гектор не лучше Троила!

КРЕССИДА

Ну уж извините!

ПАНДАР

Он старше.

КРЕССИДА

Ну уж простите!

ПАНДАР

Троил еще молод. А вот что ты скажешь о нем, когда он будет в годах Гектора! У Гектора и теперь такой сообразительности нет.

КРЕССИДА

Да ему и не нужна чужая сообразительность: у него своей достаточно.

ПАНДАР

Да и других достоинств нет.

КРЕССИДА

Это не важно.

ПАНДАР

И красоты такой нет.

КРЕССИДА

А ему красота и не нужна: он такой, как есть, хорош.

338

ПАНДАР

Ты ничего не понимаешь, племянница! Даже сама Елена третьего дня сказала, что хотя Троил и смугловат, этого и я не отрицаю, но у него такая кожа, что этого не замечаешь.

КРЕССИДА

Но все-таки он смуглый.

ПАНДАР

Ну, это как посмотреть: конечно, смугловат, но можно сказать, что и не смугловат, по правде говоря.

КРЕССИДА

То есть, говоря по правде, – и правда и неправда.

ПАНДАР

Но она сказала, что Троил по всем статьям лучше, чем Парис.

КРЕССИДА

Да и у Париса статей достаточно.

ПАНДАР

Это так.

КРЕССИДА

Значит, Троил его превзошел. Уж если Елена сказала, что он лучше Париса, значит, было за что его похвалить. У Елены такой золотой язычок, что она Троила и за медный лоб похвалит!

ПАНДАР

Могу поклясться, по-моему – он нравится Елене больше, чем Парис.

КРЕССИДА

Что ж, она легкомысленная гречанка.

ПАНДАР

Да-да, он ей нравится! Она даже третьего дня подошла к нему, когда он стоял у окна. Хотя у него еще на подбородке разве что три-четыре волоска найдется!

КРЕССИДА

Маловато, конечно. С такой арифметикой в любом трактире половой управится.

339

ПАНДАР

Да, он очень молод, но уже теперь фунта на три больше Гектора стащит!

КРЕССИДА

Стащит? Неужели? Так молод и уже способен стащить?

ПАНДАР

Вот доказательство того, что Елена равнодушна к нему: она подошла и своей лилейной ручкой провела по его раздвоенному подбородку.

КРЕССИДА

О Юнона, пощади нас! А кто же его раздвоил?

ПАНДАР

Ну, видишь ли, у него на подбородке ямочка. Да у него и улыбка лучше, чем у всех фригийцев.

КРЕССИДА

О, улыбается он поистине замечательно!

ПАНДАР

Не правда ли?

КРЕССИДА

Совсем как осенние облака!

ПАНДАР

Ну уж оставь пожалуйста! А если ты хочешь убедиться, что Елена влюблена в Троила, то лучшая проба...

КРЕССИДА

Ну, пробу-то он выдержит, если она захочет попробовать.

ПАНДАР

А для Троила она не стоит и выеденного яйца.

КРЕССИДА

Выеденное яйцо ничем не хуже пустой головы, а есть любители тухлых яиц, которые едят невылупившихся цыплят...

ПАНДАР

Я без смеха вспомнить не могу, как она щекотала ему подбородок: у нее чудесной белизны руки, должен сознаться.

КРЕССИДА

Без пытки сознаешься?

340

ПАНДАР

И знаешь, умудрилась найти на подбородке один седой волосок.

КРЕССИДА

Бедный подбородок! Любая бородавка богаче его!

ПАНДАР

То-то было смеху: царица Гекуба смеялась так, что у нее слезы потекли ручьями.

КРЕССИДА

Можно сказать – смеялась в три ручья.

ПАНДАР

И Кассандра смеялась.

КРЕССИДА

Ну, пожалуй, у этой смех похолоднее: вода в ее глазах, вероятно, не закипела и через край не полилась!

ПАНДАР

И Гектор смеялся.

КРЕССИДА

Да почему же они все так смеялись?

ПАНДАР

А как же: ведь Елена отыскала белый волосок на подбородке Троила.

КРЕССИДА

Если б она отыскала зеленый волосок, я бы тоже посмеялась.

ПАНДАР

Они не столько смеялись волоску, сколько ловкому ответу Троила.

КРЕССИДА

А что же он такое ответил?

ПАНДАР

Она сказала: «Вот, на твоём подбородке я насчитала пятьдесят два волоска и только один – седой».

КРЕССИДА

Так это ее слова.

ПАНДАР

Ну да. А он ответил: «Белый волосок – это отец, а все остальные – его сыновья». – «Ах, Юпитер! – воскликнула она. – Который же из этих волосков супруг мой Парис?» – А Троиц ответил: «Вот этот подлиннее – раздвоенный, рогатенький. Выдерни этот волосок и подари ему!» – Это вышло забавно: Елена так покраснела, а Парис так обозлился, что все покатались со смеху.

КРЕССИДА

Ну что ж: покатались, и пусть катятся.

ПАНДАР

Словом, племянница, я тебе еще вчера кое-что сказал: подумай-ка об этом.

КРЕССИДА

Я думаю.

ПАНДАР

Клянусь тебе – это правда: он плачет, как небо в апреле!

КРЕССИДА

А я от его слез вырасту, как крапива в мае!

Трубы. Отбой.

ПАНДАР

Слышишь: они возвращаются с поля битвы. Отойдем-ка в сторону и посмотрим, как они будут проходить мимо, к Илиону. Прошу тебя, дорогая моя племянница, прекрасная моя Крессида!

КРЕССИДА

Ну, отойдем, если тебе так хочется.

ПАНДАР

Сюда! Вот сюда! Стань сюда! Это чудесное местечко. Отсюда мы все отлично увидим. Я тебе всех назову по именам, когда они будут проходить мимо, но, прошу тебя, особенно заметь Троица!

КРЕССИДА

Не говори так громко.

Мимо проходит ЭНЕЙ.

ПАНДАР

Вот Эней! Чем не храбрец? Он – украшение Трои, это верно. А все-таки особенно заметь Троила.

342

КРЕССИДА

А это кто?

Мимо проходит АНТЕНОР.

ПАНДАР

Это Антенор. Он, скажу я тебе, человек язвительный, но неплохой человек. Это одна из самых умных голов Трои. И притом настоящий мужчина. Но где же Троил? Я сейчас покажу тебе Троила. Если он меня заметит, ты увидишь, как он мне подмигнет.

КРЕССИДА

Подмигнет? Разве он картежник?

ПАНДАР

Ну, словом, увидишь.

КРЕССИДА

Ну что же! Если он тебе умело подмигнет, ты выиграешь.

Мимо проходит ГЕКТОР.

ПАНДАР

А вот Гектор. Смотри! Смотри! Вот это человек! Да здоровствует Гектор! Это действительно храбрый человек, племянница! О, славный Гектор! Посмотри, как он выглядит! Вот это внешность! Ну разве не храбрец?

КРЕССИДА

О да! Настоящий храбрец!

ПАНДАР

Не правда ли? Просто сердце радуется! Посмотри, сколько отметин на его шлеме! Ты посмотри только! Видишь? Посмотри лучше! Это не шутки. Вот это так отметины!

КРЕССИДА

А они действительно от мечей?

Мимо проходит ПАРИС.

ПАНДАР

От мечей? Возможно. Он ведь никого и ничего не боится. Даже самого дьявола не испугается. Клянусь богом, сердце радуется, на него глядя. А вот идет Парис! Вот идет Парис! Смотри-ка, племянница. Ну разве не прекрасный мужчина? А? Он даже похож на героя. Кто это сказал, будто он сегодня был ранен? Он не ранен. Ну, теперь Елена обрадуется. Ах, скорей бы мне увидеть Троила. Сейчас ты увидишь Троила!

343

КРЕССИДА

А это кто?

Проходит ГЕЛЕН.

ПАНДАР

Это Гелен. Нет, я хотел бы знать, где же Троил? Это Гелей. Он, пожалуй, не был в бою сегодня. Это Гелен.

КРЕССИДА

А Гелен способен сражаться?

ПАНДАР

Гелен? О нет! А впрочем, он мог бы довольно хорошо сражаться. Но где же все-таки Троил? Чу! Слышишь? Народ кричит: «Троил! Троил!» Гелен ведь жрец...

КРЕССИДА

А это кто там пробирается?

ПАНДАР

Где? Там? Это Деифоб. Нет, я ошибся. Это Троил!

Проходит ТРОИЛ.

Вот это человек! Гм... гм... Храбрый Троил, цвет нашего воинства!

КРЕССИДА

Тише, тише, постыдись.

ПАНДАР

Обрати на него внимание. Запомни его. О, храбрый Трои! Внимательно приглядишься к нему, племянница. Посмотри: меч его в крови, а шлем иссечен еще больше, чем шлем Гектора. А что за взгляд! А что за поступь! Замечательный юноша! Ведь ему еще и двадцати трех нету. Да здоровствует Трои! Да здоровствует Трои! Будь у меня сестра, по прелести равная Грациям, или дочь, по совершенству равная богине, я предоставил бы ему выбрать любую. Замечательный мужчина! Что Парис! Парис по сравнению с ним просто дрянь, ничтожество. Я ручаюсь, что Елена ничего не пожалела бы, чтобы променять Париса на него.

Проходят солдаты.

КРЕССИДА

Вот идут еще.

ПАНДАР

Ну это уж ослы, дураки, олухи, оборванцы и всякое отребье. Каша после жаркого. Троилом я мог бы всю жизнь любоваться.

344

Теперь уж смотреть не на кого. Орлы все улетели. Теперь пойдут короны да галки, вороны да галки. Единственно кем бы я хотел быть, так это Троилом. Это даже лучше, чем быть Агамемноном.

КРЕССИДА

У греков есть Ахилл; он-то уж лучше твоего Троила.

ПАНДАР

Ахилл? Ломовик! Носильщик! Верблюд!

КРЕССИДА

Полно, полно!

ПАНДАР

Что полно-то? Да у тебя вкуса нет! Глаз нет! Знаешь ли ты, что такое настоящий мужчина? Разве благородство, красота, рост, красноречие, мужественность, знания, щедрость, доблесть, юность не украшают каждого мужчину, подобно тому как соль или пряности сдабривают пищу?

КРЕССИДА

Да, если рассматривать мужчину как начинку для пирога. Но тогда ты не все качества перечислил.

ПАНДАР

Нет, я еще не видал таких женщин! Никогда не знаешь, куда ты повернешь.

КРЕССИДА

Я поворачиваюсь спиной, чтобы защитить живот, полагаюсь на свое остроумие, чтобы защитить себя, скрытностью защищаю честность, маской – красоту, а ты должен защищать все это вместе. У меня ведь сторожей много.

ПАНДАР

Да я только один за тобой и присматриваю.

КРЕССИДА

Нет, уж тут я буду за тобой присматривать, дядюшка. Так будет лучше. Если я не смогу помешать тому, чтобы меня ушибли, я могу, во всяком случае, помешать болтать об этом; а если ушиб не вспухнет, никто о нем и не узнает.

ПАНДАР

Ну, знаешь ли! Таких, как ты, я еще не встречал!

Входит СЛУГА Троила.

345

СЛУГА

Мой господин хочет немедленно поговорить с вами.

ПАНДАР

Где он?

СЛУГА

У вас в доме. Он сейчас снимает доспехи.

ПАНДАР

Скажи ему, что я сию минуту приду.

СЛУГА уходит.

Боюсь, не ранен ли он! Прощай, племянница!

КРЕССИДА

Прощай, дядюшка!

ПАНДАР

Я скоро вернусь, племянница.

КРЕССИДА

И принесешь...

ПАНДАР

Весточку от Троила!

КРЕССИДА

Любая весточка докажет мне только, что ты сводник.

ПАНДАР *уходит.*

Слова, дары, признанья, заклинанья!
К услугам друга все его старанья.
Ах, лучше знаю я, каков Троил:
Не в зеркале похвал Троил мне мил.
По помню я, мы ангельски прекрасны,
Пока желают нас и жаждут страстно:
Всем любящим полезно это знать –
Мужчина хвалит то, что хочет взять.
Но, чуть достигнут им предел желаний,
Бледнеет пыл молений и мечтаний.
Понятен мне любви закон один:
Прозящий – раб, достигший – властелин.
Пускай же в сердце страсть моя таится:
В глазах моих она не отразится.

(Уходит.)

346

СЦЕНА 3.

Греческий лагерь. На первом плане – шатер Агамемнона.

Входят АГАМЕМНОН, НЕСТОР, УЛИСС, МЕНЕЛАЙ и другие.

АГАМЕМНОН

Властители! Как бледны ваши лица!
Какое горе удручает вас?
Все планы, что рисует нам надежда,
Теряют постепенно очертанья
Величия: различные помехи

Внезапно возникают на путях;
Так соков столкновение в древесине
Сосны здоровой создает узлы,
Задерживая рост и отклоняя.
Но вам уже, властители, не ново,
Что обманулись мы в надеждах наших:
Семь лет осады не сломили Троию.
Ведь и в былые дни деянья предков
От замыслов и целей отклонялись,
Поставленных крылатой, смелой мыслью.
Властители! Зачем же так уныло
Встречаете превратности судьбы,
Позором полагая то, что вам
Юпитер в назиданье посылает,
Испытывая ваше постоянство.
Любой металл блестит, когда любовно
Судьба на нас глядит: храбрец и трус,
Мудрец и олух, гений и невежда –
Все родственно похожи друг на друга,
Когда Фортуна озаряет их;
Но, если злится буря и сурово
Бьет ураган могучими крылами,
Все мелкое отсеивая прочь, –
Лишь то цены и веса не теряет,
Что драгоценно собственной ценой.

НЕСТОР

Богopodobный сан твой уважая,
Великий Агамемнон, Нестор ныне
Продолжит речь твою и пояснит.
Я так скажу: превратности судьбы –
Проверка наших сил. В спокойном море
И жалкие, ничтожные суда
Дерзают безбоязненно скользить

Бок о бок с кораблем.
По, стоит только грубому Борею
Прекрасную Фетиду рассердить, –
Корабль взрезает водяные горы
Могучим килем, споря со стихией,
Как конь Персея, а толпа лодчонок,
Недавно состязавшаяся с ним,
Стремится в бухты, чтобы не достаться

Нептуну. Так и с доблестью людей:
Лишь в бурях жизни познается доблесть.
Так в летний день порой несносный овод
Для стада мирного страшнее тигра,
Но, если вихри бури налетят,
Столетние дубы валя на землю, –
Забьются в щели оводы и мухи.
Тогда лишь те с бушующей стихией
Соперничают яростью и силой,
Кто может отвечать на лютый вой
Таким же грозным криком.

Улисс

Агамемнон!
Ты славный вождь, ты Греции глава!
Ты наше сердце, разум, дух и воля!
В тебе желанья, мысли, силы наши
Воплощены! О, выслушай Улисса.
Высокой похвалы достойны речи
Твои, великий славой и венцом,
А равно и твои, высокочтимый,
Годами древний Нестор: такова
Речь Агамемнона, что подобает
Ее на бронзе высечь. Такова
Была и речь почтеннейшего старца
С главой посеребренной, ибо он,
Как древо, подпирающее небо,
Все мысли греков мощным языком
Объединил, как цепью. Но прошу я
Тебя, великий, и тебя, премудрый,
Прислушаться к тому, что я скажу.

Агамемнон

Да, царь Итаки. Говори. Мы знаем,
Что столь же часто речь твоя разумна,
Сколь редко слово мудрости прекрасной
Звучит из глотки грязного Терсита.

348

Улисс

Уже давным-давно бы пала Троя,
Меч Гектора хозяина лишился б,
Не будь одной беды.
Единства действий грекам не хватает.

Смотрите, как стоят палатки наши:
Раскиданно, открыто, в беспорядке –
Таков же беспорядок и в умах.
Но если войско не подобно улью,
Покорному приказу одного, –
Какого ждете меда? Мы не ценим
Заслуг и поощряем недостойных.
На небесах планеты и Земля
Законы подчиненья соблюдают,
Имеют центр, и ранг, и старшинство,
Обычай и порядок постоянный.
И потому торжественное солнце
На небесах сияет, как на троне,
И буйный бег планет разумным оком
Умеет направлять, как повелитель
Распределяя мудро и бесстрастно
Добро и зло. Ведь если вдруг планеты
Задумают вращаться самовольно,
Какой возникнет в небесах раздор!
Какие потрясения их постигнут!
Как вздыбятся моря и содрогнутся
Материки! И вихри друг на друга
Набросятся, круша и ужасая,
Ломая и раскидывая злобно
Все то, что безмятежно процветало
В разумном единенье естества.
О, стоит лишь нарушить сей порядок,
Основу и опору бытия –
Смятение, как страшная болезнь,
Охватит все, и все пойдет вразброд,
Утратив смысл и меру. Как могли бы,
Закон соподчиненья презирая,
Существовать науки и ремесла,
И мирная торговля дальних стран,
И честный труд, и право первородства,
И скипетры, и лавры, и короны.
Забыв почтенье, мы ослабим струны –
И сразу дисгармония возникнет.
Давно бы тяжело дышащие волны

Пожрали сушу, если б только сила
Давала право власти; грубый сын
Отца убил бы, не стыдясь нимало;

Понятия вины и правоты –
Извечная забота правосудья –
Исчезли бы и потеряли имя,
И все свелось бы только к грубой силе,
А сила – к прихоти, а прихоть – к волчьей
Звериной алчности, что пожирает
В союзе с силой все, что есть вокруг,
И пожирает самое себя.
Великий, мудрый царь наш Агамемнон!
Когда закона мы нарушим меру,
Возникнет хаос.
Пренебреженье к этому закону
Ведет назад и ослабляет нас.
Вождю не подчиняется сначала
Его помощник первый, а тому –
Ближайший; постепенно, шаг за шагом,
Примеру высших следуют другие,
Горячка зависти обуревает
Всех, сверху донизу; нас обескровил
Соперничества яростный недуг.
Вот это все и помогает Трое:
Раздоры наши – вот ее оплот,
Лишь наша слабость силу ей дает!

НЕСТОР

Премудро здесь Улисс нам разъяснил
Болезнь, что истощает наши силы.

АГАМЕМНОН

Недуга суть, Улисс, уразумел ты;
Скажи нам: как лечить его?

УЛИСС

Смотрите:
Вот наш Ахилл, краса и слава греков,
Наслушавшись восторженных похвал,
Тщеславен стал, самодоволен, дерзок,
Над нами он смеется. С ним Патрокл;
Лениво дни проводит он в постели
И шутит зло.
Насмешник дерзкий, он забавы ради
Изображает нас в смешном обличье,

Он это представлением зовет.
Порою он, великий Агамемнон,
Изображает даже и тебя
И, как актер, гуляющий по сцене,
Увеселяя зрителей, считает,
Что, чем смешней его диалог грубый,
Тем лучше он. Так дерзостный Патрокл
Тебя, о мудрый царь, изображает
Крикливым, скудоумным болтуном,
Произнося гиперболы смешные,
И что же? Грубой этой чепухе
Ахилл смеется, развалясь на ложе,
И буйно выражает одобренье,
Крича: «Чудесно! Это Агамемнон!
Теперь сыграй мне Нестора! Смотри,
Сперва погладь себя по бороде,
Как он, приготавливаясь к выступленью!»
И вот Патрокл кривляется опять,
И вновь Ахилл кричит: «Чудесно! Точно!
Передо мною Нестор как живой!
Теперь, Патрокл, изобрази его,
Когда спешит он в час ночной тревоги».
И что ж! Тогда болезни лет преклонных
Осмеивают оба силача:
Одышку, кашель, ломоту в суставах
И дрожь в ногах, и, глядя на Патрокла,
Со смеху помирает наш герой,
Крича; «Довольно! Полно! Задыхаюсь!»
И так они проводят дни свои.
Все им смешно – и доблесть, и таланты.
И внешний вид прославленных вождей,
Приказы, речи их, призывы к битве,
И пораженья наши, и победы,
Успехи и потери: все у них –
Лишь повод для нелепого глумленья.

НЕСТОР

И вот, из подражанья этим двум,
Которых, как Улисс уже сказал,
Общественное мнение прославляет,
Другие тоже портятся: Аякс
Заносчив стал, как норовистый конь:
Он походить стремится на Ахилла,
Шатер свой разукрасил, как Ахилл,

И подстрекает подлого Терсита,
Раба, чья желчь чеканит злые сплетни
Нас грязными словами осквернять,
К нам ослабляя веру и почтенье
В опасную годину злой войны.

УЛИСС

Они, поступки наши осуждая,
Считают разум трусостью и даже
Осмеивают нашу дальновидность
И прославляют только силу рук,
А силу мысли, что судить способна
О степени уменья, силе рук,
Не признают и даже презирают.
Для них работа мысли – бабье дело,
Игра пустая, детская забава,
Для них таран, что разрушает стены,
Скорее уважения достоин,
Чем мудрость тех, чей тонкий, хитрый ум
Движеньями тарана управляет.

НЕСТОР

Да, можно бы сказать, что конь Ахилла
Достойней, чем Фетиды сыновья.

Звук трубы.

Чу! Звук трубы! Кто это, Менелай?

Входит Эней.

МЕНЕЛАЙ

Из Трои.

АГАМЕМНОН

Говори, зачем ты здесь?

ЭНЕЙ

Где Агамемнона шатер?

АГАМЕМНОН

Вот этот!

ЭНЕЙ

Могу ли я как царственный посол
Рассчитывать на царское вниманье?

352

АГАМЕМНОН

В том поручусь тебе мечом Ахилла
И головами греков, признающих
Согласно Агамемнона царем.

ЭНЕЙ

Спокойствие и мир да будут с вами!
Скажите, как узнать мне, чужеземцу,
Царя среди других достойных?

АГАМЕМНОН

Как?

ЭНЕЙ

Ну да. Хочу я выразить почтенье
И трепетным румянцем перед ним
Зардеться, как застенчивое утро
Пред светлым Фебом.
Где этот бог, ведущий человек?
Где мудрый и великий Агамемнон?

АГАМЕМНОН

Троянец этот презирает нас.
Иль все троянцы так затейно льстивы?

ЭНЕЙ

Когда оружие мы спое слагаем,
Приветливы мы, ласковы и кротки,
Как ангелы, но желчь вскипает наша,
Когда нам должно воинами быть,
Свое оружие мы держать умеем
Во славу Зевса. – Но молчи, Эней!
Спокойнее, троянец! Будь разумен
И палец приложи к своим устам.
Цена похвал невысока бывает,
Когда хвалимый тем же отвечает,
Но, если враг нас вынужден хвалить,
Такой хвалою можно дорожить!

АГАМЕМНОН

Троянец царственный, так ты – Эней?

ЭНЕЙ

Да, грек, ты прав.

АГАМЕМНОН

С чем ты пришел, поведай!

353

ЭНЕЙ

Лишь Агамемнону могу ответить.

АГАМЕМНОН

С троянцами он говорить не любит
Наедине.

ЭНЕЙ

А я пришел из Трои
Не для того, чтобы шептаться с ним:
Я разбужу его, как трубным гласом,
Когда заговорю.

АГАМЕМНОН

Так говори:
Царя будить не нужно – он не дремлет.
Он бодрствует, троянец, сам он это
Сказал тебе сейчас!

ЭНЕЙ

О, громче, трубы!
Пусть медный голос ваш разбудит сонных,
И пусть узнает ныне каждый грек,
Что хочет Троя заявить открыто.
Великий Агамемнон! Есть у нас
Царевич Гектор, смелый сын Приама,
Давно уж он томится перемирьем
И вот сегодня, мне вручив трубу,
Велел сказать вам всем: «Цари! Вожди!
Коли еще найдется грек отважный,
Который честью крепко дорожит,
В ком жажда славы больше страха смерти,
Кто доблестью украшен и отвагой,
Кто верен милой и, ее любя
(На деле, а не только на словах),

Во славу красоты ее способен
Сразиться с ним – того отважный Гектор
На поединок гордо вызывает:
И грекам и троянцам громогласно
Заявит он, что та, кого он любит,
Верней, прекрасней и разумней жен,
Которых любят и ласкают греки.
Он вызывает пред стенами Трои
Любого грека, верного любимой,
А ежели такого не найдется,

354

Он разгласит, что греческие жены
Уродливы, глупы и темнокожи
И ни любви, ни подвигов не стоят:
Вот все, что Гектор мне велел сказать.

А Г А М Е М Н О Н

Любовникам сказал ты эти речи,
Эней отважный; те, кто сердцем нежен,
Остались по домам, а мы – солдаты,
Но жалок воин тот, в чьем сердце нет
Любви. Дадим мы Гектору ответ.
Смельчак найдется; если ж не найдется,
Со мной сражаться Гектору придется!

Н Е С Т О Р

Скажи ему от Нестора, который
Был мужем в дни, когда, еще младенцем,
Дед Гектора грудь матери сосал,
Скажи ему, что, если не найдется
Меж греков мужа с пламенной душой,
Я спрячу серебро моих седин,
На руки слабые надену латы
И встречу с ним, чтоб гордо заявить,
Что дева, мной любимая когда-то,
Была прекрасней бабушки его
И целомудренней всех дев на свете!
И вызов юности его кичливой
Я смою кровью старческой своей!

Э Н Е Й

Да не допустит небо этой битвы!

У Л И С С

Аминь!

АГАМЕМНОН

Позволь, Эней высокородный,
Тебя в шатер наш ввести, а там
Пускай Ахилл твои услышит речи
И уж затем узнает каждый грек.
Меж тем ты попируешь с нами вместе:
Знай, как встречает благородный враг!

Все, кроме УЛИССА и НЕСТОРА, уходят.

УЛИСС

О Нестор!

355

НЕСТОР

Что, Улисс?

УЛИСС

Во мне зерно чудесной мысли зреет,
А ты мне помоги ее родить.

НЕСТОР

Какая ж это мысль?

УЛИСС

А вот такая:
Тупые клинья узловатый пенъ
Раскалывают; гордость и надменность
Ахилла всем становятся несносны;
Их следует немедля истребить,
Не то они нам могут нанести
Непоправимый вред.

НЕСТОР

Но что же дальше?

УЛИСС

Надменный вызов Гектора, который,
Казалось бы, к любому обращен,
Касается лишь одного Ахилла.

НЕСТОР

Ты прав. Его намеренья ясны.

О них совсем не трудно догадаться
И даже не такому, как Ахилл,
Будь мозг его, как Ливия, бесплоден.
Хотя – тому порукой Аполлон –
Поистине он сух, но дар сужденья
Ему отнюдь не чужд, и сможет он
Понять, что Гектор вызовом желает
Его задеть.

УЛИСС

И раздражить его?

НЕСТОР

Ах, если б так случилось! Кто из греков
У Гектора отнять способен честь,
Как не Ахилл! Хоть будет эта битва

356

Лишь состязаньем, в ней глубокий смысл.
Троянцы здесь отведают, пожалуй,
Одно из наших лучших блюд. Поверь,
Улисс, могло бы многое зависеть
От этого жестокого сраженья.
Его успех решит судьбу и славу,
Успех или неудачу всей войны.
О, в этих смутных контурах провижу
Я очертанья грозные событий,
Нам предстоящих. Каждому понятно,
Что тот, кто будет с Гектором сражаться,
Избранник общий наш, и выбор сей
Сам по себе является наградой.
Все лучшее, что есть в любом народе,
Процеженное в колбах естества,
Является в герое, но зато,
Когда его постигнет неудача,
Ликует враг, как будто весь народ
В нем собственное терпит поражение.
Так руки, направляя острый меч
И посылая стрелы, отвечают
За действия меча и стрел.

УЛИСС

Прости!
Вот потому-то и нельзя Ахиллу

Сражаться с Гектором. Покажем, Нестор,
Как мудрые купцы, плохой товар,
Чтоб сбыть его скорее; а с хорошим
Не следует спешить. Не соглашайся,
Чтобы сражался с Гектором Ахилл:
Их встреча может быть и нашей славой
И нашим величайшим посрамленьем!

НЕСТОР

Я зреньем слаб: не вижу в этом смысла...

УЛИСС

Та слава, что досталась бы Ахиллу,
Не будь он горд, была бы нашей славой.
Но он теперь заносчив стал не в меру,
А лучше уж от солнечного зноя
В пустыне африканской изнывать,
Чем изнывать от дерзкого презренья
Ахилла победителя. Однако,

357

Будь он троянцем смелым сокрушен,
Сокрушена была б и наша слава
В лице его. Нет! Лучше так подстроим,
Чтоб увалень Аякс пошел сражаться
С надменным Гектором. Ведь и Аякс
Силен и смел не менее Ахилла.
Его мы как героя вознесем,
Полезно это будет мирмидонцу:
Уж очень возгордился он, и шлемом
Касается чуть-чуть не до небес.
Когда б Аякс – тяжелый, туповатый –
Сумел героя Гектора сразить,
Его мы расхвалили бы согласно;
А если он окажется сраженным, –
Спокойно примет каждый эту весть,
Уверенный, что есть у нас герои
Получше. Так успех иль поражение
Аякса нам на пользу потому,
Что спесь собьет Ахиллу самому.

НЕСТОР

Теперь, Улисс, я начал понимать
Совета твоего глубокий смысл.

Но поглядим, что скажет Агамемнон:
Два пса смирят друг друга, ибо злость
Их гордости для них обоих – кость.

Уходят.

358

АКТ II.

СЦЕНА 1.

Другая часть греческого лагеря.

Входят АЯКС и ТЕРСИТ.

АЯКС

Терсит!

ТЕРСИТ

А что как вдруг Агамемнон покроется чирьями?

АЯКС

Терсит!

ТЕРСИТ

А что как эти чирьи вдруг лопнут? Может, тогда и сам он лопнет, и все лопнет? То-то было бы здорово!

АЯКС

Ах ты, пес!

ТЕРСИТ

Только в таком случае из него могло бы что-нибудь выйти; а пока что-то ничего не выходит.

АЯКС

Ах ты, сукин сын! Ты что, не слышишь, когда тебя зовут? Ну так почувствуешь! *(Бьет его.)*

359

ТЕРСИТ

Задави тебя наша греческая чума! Тоже мне повелитель! Ублюдок с телячьими мозгами!

АЯКС

А ну-ка, поговори, поговори, тухлая говядина! Я тебя еще и не так разукрашу!

ТЕРСИТ

Э, да тебя стоит и подразнить: чего доброго, поумнеешь! Впрочем, скорее уж твоя лошадь станет читать проповеди, чем ты выучишь наизусть хоть одну молитву. А вот драться ты умеешь, кляча! Парша тебя забери!

АЯКС

Ах ты, гриб поганый! Ну, рассказывай, что там объявляли?

ТЕРСИТ

Да что же ты меня лупишь? Думаешь, я не чувствую?

АЯКС

Что объявляли, я спрашиваю?

ТЕРСИТ

Ну, объявляли, что ты болван.

АЯКС

Уймись, дикобраз, уймись. У меня опять руки чешутся!

ТЕРСИТ

Что руки! Надо, чтоб ты весь чесался с ног до головы. Уж я бы тебя почесал! Ты бы у меня стал самым мерзким шелудивым в Греции! В бою-то ты, поди, не лучше других!

АЯКС

Я спрашиваю тебя: что объявляли?

ТЕРСИТ

Ты вот ежечасно рычишь на Ахилла и насмехаешься над ним, а сам ты полон зависти к нему, как Цербер к прелестям Прозерпины. Потому-то ты и лаешь на него.

АЯКС

Ну и врешь же ты, как баба!

ТЕРСИТ

Ты вот его поколоти!

АЯКС

Да я его в лепешку!

ТЕРСИТ

Да он бы тебя одним кулаком раскрошил, как матрос – сухарь.

АЯКС

Ах ты, паскуда! (*Бьет его.*)

ТЕРСИТ

Ну-ка, ну-ка, еще!

АЯКС

Эх ты, ведьмин кол!

ТЕРСИТ

Ну, крепче, крепче, дурья башка! Эх, нет у тебя находчивости! У тебя и мозгу-то в голове не больше, чем у меня в пятках! Каждый погонщик мулов мог бы многому тебя научить. Ты как взбесившийся осел: только и делаешь, что дубасишь троянцев. Все, кто только что-нибудь соображает, могут продать и купить тебя, как берберийского раба. Если ты не перестанешь избивать меня, я расскажу всем, что ты собой представляешь, бессмысленная ты тварь!

АЯКС

Ах ты, пес!

ТЕРСИТ

Ах ты, шелудивый баран!

АЯКС

Шавка ты! (*Бьет его.*)

ТЕРСИТ

Ах ты, Марсов олух! Бей, разбойник! Ну, еще, еще, верблюды!

Входят АХИЛЛ и ПАТРОКЛ.

АХИЛЛ

Полно, Аякс! За что это ты его так лупишь? – В чем дело, Терсит? Что случилось?

ТЕРСИТ

Видишь ты его?

АХИЛЛ

Ну так что же?

ТЕРСИТ

Нет, ты посмотри на него!

АХИЛЛ

Я смотрю. В чем же дело?

361

ТЕРСИТ

Нет, ты разгляди его хорошенько!

АХИЛЛ

И хорошенько разглядел.

ТЕРСИТ

Нет, ты еще не разглядел его: за кого бы ты его ни принимал, он Аякс!

АХИЛЛ

Знаю, дурак!

ТЕРСИТ

Да, ты-то знаешь, а сам-то он не знает, что он дурак.

АЯКС

Ох изобью же я тебя!

ТЕРСИТ

Уй-уй-уй-уй! Какие мудрые вещи изрекает! А пожалуй, его голове досталось от меня больше, чем от него – моим костям! За грош можно купить девять воробьев, а у него ума не больше, чем в девятой части одного воробья! Ахилл, поверь мне! У господина моего Аякса разум в брюхе, а кишки – в голове. Я сейчас расскажу тебе, что я о нем говорил.

АХИЛЛ

Ну что?

ТЕРСИТ

Я говорил, что Аякс.

АЯКС собирается ударить ТЕРСИТА.

АХИЛЛ

(становится между ними)

Полно, Аякс, полно, милейший!

ТЕРСИТ

...имеет разума ровно настолько...

АХИЛЛ

Ну, не трогай его!

ТЕРСИТ

...чтобы заткнуть ушко иглы Елены, за которую он явился сражаться.

АХИЛЛ

Перестань, дурак!

362

ТЕРСИТ

Я-то мог бы перестать, да вот дурак не хочет! Вот он! Посмотрите на него!

АЯКС

Ах ты, шавка окаянная! Да я...

АХИЛЛ

Ну стоит ли связываться с дураком?

ТЕРСИТ

Не стоит, потому что дурак посрамит тебя!

ПАТРОКЛ

Хорошо сказано, Терсит!

АХИЛЛ

Да почему вы ссоритесь?

АЯКС

Я приказал этой подлой свинье рассказать, о чем объявляли, а он надо мной издевается.

ТЕРСИТ

Я тебе не слуга!

АЯКС

Тогда пошел вон! Пошел вон!

ТЕРСИТ

Что ты командуешь? Я здесь по доброй воле!

АХИЛЛ

Но тебя, насколько я понимаю, все-таки потрепали! Никто не подставляет спину по доброй воле. Вот Аякс действовал по своей воле, а ты – поневоле.

ТЕРСИТ

Ах так! Да у тебя-то, я вижу, тоже весь ум в кулаках! Не велика будет заслуга Гектора, если он вышибет из тебя мозги! Расшибить твою башку – все равно что расколоть пустой орех: ядра-то ведь нет!

АХИЛЛ

Как! Ты и ко мне цепляешься, Терсит?

363

ТЕРСИТ

Вот кто умен, так это Улисс и древний Нестор, ум которого начал покрываться плесенью прежде, чем у твоего дедушки выросли ногти. Они управляют вами, как парой быков, заставляя распахивать поля войны.

АХИЛЛ

Что? Что ты сказал?

ТЕРСИТ

То, что сказал! Ну, ударь, Ахилл! – Ударь, Аякс!

АЯКС

Ох, я тебе язык отрежу!

ТЕРСИТ

Это не беда: тогда я буду говорить так же, как ты!

ПАТРОКЛ

Хватит болтать, Терсит! Хватит! Помолчи!

ТЕРСИТ

Ну, молчу, коли уж Ахиллова красotka велит!

АХИЛЛ

Что, получил и ты, Патрокл?

ТЕРСИТ

Хватит! Нечего мне тут делать с вами, дураками! Пойду к тем, кто поумнее. Я вернусь к вам теперь, только когда вас вешать будут! (*Уходит.*)

ПАТРОКЛ

Наконец-то избавились!

АХИЛЛ

Да, кстати, войску нынче объявили,
Что Гектор завтра, только встанет солнце,
Разбудит гласом трубным и троянцев
И греков, вызывая тех из нас,
Кто и силен и смел, – сразиться с ним,
Чтоб доказать... не помню только – что,
Какой-то вздор, я думаю!

АЯКС

А кто же
Ему ответить должен?

364

АХИЛЛ

Не знаю! Там еще бросают жребий,
Иначе было б ясно, кто...

АЯКС

Ты сам?
Пойду-ка разузнаю поточнее!

Уходят.

СЦЕНА 2.

Троя. Дворец Приама.

Входят ПРИАМ, ГЕКТОР, ТРОИЛ, ПАРИС и ГЕЛЕН.

ПРИАМ

Вот после многих дней, речей и дел
Опять от греков Нестор возглашает:

«Верните нам Елену!» – и тогда
Обиды, жертвы, времени потеря,
Потеря сил, богатства и друзей,
Утраченных в пылу войны кровавой,
Все будет позабыто. Что ты скажешь?

Г Е К Т О Р

Едва ли кто боится греков меньше,
Чем я, когда опасность только мне
Грозит. Но всем я заявляю вам:
Приам сейчас неправ!
Едва ли дева с нежною душою,
Исполненная трепетного страха,
Так часто и тревожно восклицает:
«Ах, мы не знаем, что еще случится!» –
Как я. Увы! Подтачивает мир
Заносчивость, но скромное Сомненье
Есть мудрости маяк и зонд надежный,
Умеющий до дна прощупать зло.
Пускай домой Елена возвратится:
С тех пор как первый меч мы обнажили,
Десятки смелых пали в этой распре,
Они дороже много, чем Елена;
Мы потеряли столько своего,
Что не свое удерживать не надо:
Оно не стоит и десятой доли

365

Всего, уже потерянного нами.
Какая же причина нам мешает
Вернуть ее теперь?

Т Р О И Л

Стыдись, о брат мой!
Тебе ль судить о чести и величье
Царя такого, как отец наш грозный!
Какою мерой ты определишь
Безмерное могущество его?
Как ты такую силу ограничишь
И укротишь уздою опасений
И доводов ненужных? Постыдись!

Г Е Л Е Н

Не диво, что, ища во всем рассудка,

Ты сам его лишен. Подумать можно,
Что твой отец без твоего участия
Рассудком управлять бы не сумел!

ТРОИЛ

Все это, брат мой жрец, слова пустые:
Одним рассудком вы, жрецы, живете.
Мы знаем: враг замыслил нашу гибель;
Мы знаем, грозен меч, подъятый им.
Рассудок в страхе от него бежит!
Не диво, что мерещится повсюду
Тебе могучий грек: рассудок твой
К ногам твоим привязывает крылья,
И ты, как от Юпитера Меркурий
Иль как звезда, сошедшая с орбиты,
Несешься прочь! Нет! Вреден нам рассудок
В опасный час! И мужество и честь
Имели б сердце заячье, когда бы
Рассудку доверялись постоянно:
От размышленья печень усыхает;
С отвагою рассудок не в ладу.

ГЕКТОР

Брат, право же, она того не стоит,
Во что нам обошлась!

ТРОИЛ

Ее цена
Зависит лишь от ценности для нас.

366

ГЕКТОР

Но не должна зависеть от каприза.
Достоинство и ценность всякой вещи –
Внутри ее, равно как и в уме
Людей, ее ценящих. Неразумно
Служенье богу ставить выше бога!
Нередко люди наделять стремятся
Причудливыми свойствами предмет,
Которому те свойства не присущи.

ТРОИЛ

Допустим, я избрал себе супругу,
И выбором руководила воля,

А волею – глаза мои и уши,
Которые любовь мою зажгли.
Глаза и уши – два надежных кормчих,
Которые мне помогают плыть
Меж волей и рассудком. Как мне быть,
Когда рассудок осуждает выбор?
Могу ль я отказаться от жены?
Мне этого и честь не позволяет:
Шелка не возвращают продавцу,
Испортив их; остатки нашей пищи
Мы в сточные канавы не бросаем,
Насытившись. Считалось до сих пор,
Что подобает с греками сразиться
Парису. Наше дружное решенье
Наполнило, раздуло паруса,
И волны с ветром прекратили спор,
Чтоб дружными усилиями к цели
Доставить корабли его; тогда
Взамен сестры Приама престарелой,
Которую в плену держали греки,
Привез Парис красавицу царицу,
Гречанку, чья пленительная свежесть
И Аполлона делает поблекшим
И сумрачную делает зарю.
Зачем она у нас? Ну, а зачем
В плену держали греки Гесиону,
Приама престарелую сестру?
Но разве же не стоило сражаться
За дивную жемчужину – Елену?
Недаром венценосные цари
Купцами стали, оценив добычу

367

Дороже многих сотен кораблей.
Париса все расхваливали дружно,
Все подстрекали кликами: «Дерзни!»
Привез он драгоценную добычу.
Не правда ль – все ведь вы рукоплескали,
Провозгласив, что ей подобной нет!
Зачем же вы теперь свое решенье
Оспаривать хотите? Ведь сама
Фортуна не всегда непостоянна!
А вы! Теперь готовы объявить
Ничтожным та, что сами же ценили

Превыше всех прекрасных благ земных!
Как низок вор, который сам боится
Похищенным владеть! Робеем мы,
Похищенной мы недостойны сами,
И, совершив проступок, мы дрожим,
Что дорого за это мы заплатим.

КАССАНДРА

(внутри дворца)

Плачь, Троя, плачь!

ПРИАМ

Кто это голосит?

ТРОИЛ

О, это вопль сестры моей безумной.

КАССАНДРА

(внутри дворца)

Плачь, Троя, плачь!

ГЕКТОР

Кассандра это!

Входит КАССАНДРА с растрепанными волосами, в иступлении.

КАССАНДРА

Плачь, Троя, плачь! Десятки тысяч глаз
Наполню я пророчества слезами!

ГЕКТОР

Не сетуй так, сестра моя! Не сетуй!

КАССАНДРА

О девы, юноши, мужи и старцы,
Младенцы, все встречающие криком
Беспомощным, рыдайте все со мною!
Мы выплачем и выплатим судьбе
Хотя бы долю стонов предстоящих.
Плачь, Троя, плачь! Пускай глаза твои
Слезами изойдут! Погибнет Троя!
Как головня, сожжет ее Парис!
Я вижу: пламя пожирает стены!

Плачь, Троя, плачь! Иль пусть уйдет Елена!

(Уходит.)

ГЕКТОР

Ужели эти страшные рыдания
И прорицания сестры твоей
Тебя, Троида, не трогают? Ужели
Так кровь твоя безумьем зажжена,
Что ни простые доводи рассудка,
Ни мысль о злом исходе злого дела
Тебя не охлаждают?

ТРОИД

Брат мой Гектор!
Не должно нам судить о правоте
Любого начинанья по исходу.
Не должно храбрости лишаться нам,
Страшась безумных выкриков Кассандры.
Неистовство души ее больной
Не может нам внушить сомненье в смысле
Войны, в которой наша честь была
Залогом правоты. Я сам, признаться,
Не более затронут этой распрей,
Чем прочие Приама сыновья;
Но я скажу: Юпитер, сохрани
Нас от того, чего бы стало стыдно
И жалким трусам.

ПАРИС

Целый свет тогда бы
Мои поступки и советы ваши
Презренным легкомыслием признал.
Но боги все свидетели тому,
Что вы мою затею вдохновляли;
Советами вы отгоняли страх,

Моим опасным замыслом рожденный.
Ведь что я мог бы совершить один?
Способна ль доблесть одного героя
Противиться напору той вражды,
Которую война воспламенила?
Но, если б мне случилось одному
Все трудности принять, – скажу вам прямо:

Будь мощь моя, как воля, велика,
Парис не отступился б от того,
Что он задумал!

П Р И А М

Ты, Парис, болтаешь,
Как те, кто наслажденьем ослеплен.
Нас умудряет желчь, вас – мед дурманит.
За храбрость вас никто хвалить не станет!

П А Р И С

Отец! Не для себя я дорожу
Ее неизреченной красотой!
Прекрасную вину свою хочу
Я искупить, чтоб доблестью своею
Свои права навек завоевать.
Но посрамленьем славы нашей будет
Измена обещанной царице –
Согласие отдать ее назад
По требованью грубого насилья!
Могла ли мысль презренная такая
Возникнуть в столь возвышенных умах?
Я думаю, что самый малодушный
Отважным станет и поднимет меч,
Чтоб защитить Елену. Самый смелый
Не постыдится жизнью заплатить
За жизнь Елены. Честь повелевает
Сражаться за нее: ведь знают все,
Что в мире равной нет ее красе!

Г Е К Т О Р

Ты прав, Парис; ты тоже прав, Троил;
Красно вы говорите, но коснулись
Поверхностно глубокого вопроса,
Как те юнцы, которых Аристотель
Считает неспособными постичь
Моральной философии значенье.
Все ваши доводы порождены

Кипеньем страсти или пылкой крови,
А не желаньем точно разобраться,
В чем правота. И месть и наслажденье
Всегда к разумному сужденью глухи.

Меж тем природа требует от нас,
Чтоб соблюдались право и законы
Извечные. А чье же право крепче,
Чем право брачных уз? Когда нарушит
Природный сей закон слепая страсть
И ей притом окажут снисхожденье
Высокие умы, – сама природа
Упрямо воспротивится сему!
Есть у народа каждого законы,
Смиряющие бурные порывы
Мятежных, необузданных страстей.
Когда известно всем нам, что Елена
Жена царю спартанскому, закон
Природы и народов побуждает
Ее вернуть. Упорствуя напрасно,
Мы только увеличиваем зло,
Его усугубляя. Так считаю
Я, брат ваш Гектор. Но не стану я
Препятствовать решеньям вашим пылким
Прекрасную Елену удержать.
Мы все уже немало сил своих
И доблести на это положили.

Т р о и л

Да-да, мой брат, вот в этом-то и суть.
Когда бы дело не касалось чести,
А только нашей прихоти пустой,
Не проливал бы я троянской крови,
Елену защищая. Славный Гектор!
Пойми, что в ней – и честь и слава наша,
Она и поощренье славных дел
И всех врагов упорных посрамленье,
Она и наша будущая гордость.
Ведь сам ты, храбрый Гектор, никому
Грядущей громкой славы не упустишь,
Которая нас всех улыбкой манит,
Зовя вперед, к победам.

Г е к т о р

Я с тобой,
Бесстрашный отпрыск славного Приама!

Я сам уже послал надменный вызов

Кичливым грекам, сонным и тупым:
Уж он-то их разбудит непременно.
Их вождь, мне говорили, мирно дремлет,
Не замечая, что раздор прокрался
В его войска.
Теперь проснется он!

Уходят.

СЦЕНА 3.

Греческий лагерь. Перед шатром Ахилла.

Входит ТЕРСИТ.

ТЕРСИТ

Ну что, Терсит? Как! Заблудился в лабиринте собственной ярости? Неужто же этот слон Аякс довел тебя до такого состояния? Когда он бьет меня, я смеюсь, и это меня утешает. Конечно, лучше бы, чтобы я его бил, а он надо мной смеялся. Ах, черт возьми! Да я научусь ворожить и вызывать чертей, чтобы только найти выход из такого омерзительного унижения! А тут еще Ахилл навязался! Тоже мне штучка! Если падение Трои зависит от этой парочки, то стены ее простоят до того дня, пока сами собой не рушатся. О ты, великий громовержец Олимпа! Забудь, пожалуйста, что ты Юпитер, царь богов! И ты, Меркурий, да потеряет твой кадуцей свою змеиную силу, если только вы не отнимете у этих молодчиков той самой каплеюсенькой капли разума, какая у них есть. Их близорукое невежество настолько скудоумно, что не способно освободить муху из лап паука, не размахнувшись мечом для того, чтобы разрезать паутину. Да падет месть богов на весь этот лагерь, или, еще лучше, да заберет всех их та самая болезнь, которая именуется из скромности неаполитанской... Ну, я все сказал! Взываю к бесу зависти, чтобы он произнес: «аминь». О Ахилл, мой повелитель!

Входит ПАТРОКЛ.

ПАТРОКЛ

Кто здесь? Терсит? Заходи-ка милейший Терсит, и позубоскаль!

ТЕРСИТ

Кабы я льстился на всякую фальшивую монету, ты бы не ускользнул от моего внимания. Но не в этом дело. Ты сам себя покарнешь. Да постигнет тебя проклятье всего человечества за

372

безумство и невежество. Да сохранят тебя небеса от умного наставника, и да не коснется тебя ни один добрый совет. Пусть нрав твой до самой смерти управляет тобою. Но если та, которой достанется удел убирать твой труп, скажет, что ты – красивый труп, я поклянусь, что она, кроме прокаженных, ничего не видела. Аминь. А где же Ахилл?

ПАТРОКЛ

Ишь ты! Да ты, оказывается, еще и ханжа! Это ты так молишься?

ТЕРСИТ

Молюсь, и да услышит меня небо!

Входит Ахилл.

АХИЛЛ

Кто здесь?

ТЕРСИТ

Терсит, господин!

АХИЛЛ

Ах, ты пришел! Что ж тебя не было за столом, когда я ел? Ты мало беспокоишься о моем пищеварении: ты ведь отличная приправа! Ну-ка, скажи мне, кто такой Агамемнон?

ТЕРСИТ

Твой повелитель, Ахилл. Ну, а ты скажи-ка мне, кто такой Ахилл?

АХИЛЛ

Твой повелитель, Терсит. Ну, а скажи-ка мое, прошу тебя, сам-то ты кто такой?

ТЕРСИТ

Тот, кто лучше всех знает Патрокла. Ну, скажи мне, кто ты такой, Патрокл?

ПАТРОКЛ

Говори ты, ведь ты же меня знаешь!

АХИЛЛ

О говори, говори!

ТЕРСИТ

Над этим вопросом надо еще подумать! Агамемнон повелевает Ахиллом, Ахилл – мой господин, я – знаток Патрокла, а Патрокл – дурак.

ПАТРОКЛ

Ах ты, негодяй!

373

ТЕРСИТ

Тише, дурень! Я еще не все сказал!

АХИЛЛ

Валяй, Терсит, валяй! Тебе все простительно!

ТЕРСИТ

Агамемнон дурак, Ахилл дурак, Терсит дурак, и, как сказано выше, Патрокл дурак.

АХИЛЛ

Дальше! Дальше! Выводы!

ТЕРСИТ

Агамемнон дурак потому, что думает, будто командует Ахиллом; Ахилл дурак, если им командует Агамемнон; Терсит дурак потому, что служит такому дураку, ну, а Патрокл – дурак сам по себе!

ПАТРОКЛ

Но почему это я дурак?

ТЕРСИТ

Ну уж с этим вопросом обращайся к своему творцу. С меня довольно того, что ты дурак. – Смотри-ка, кто там идет?

АХИЛЛ

Патрокл! Я ни с кем не хочу разговаривать! – Идем со мною, Терсит! (*Уходит.*)

ТЕРСИТ

Батюшки! Сколько дрызг! Сколько безобразия! Сколько мерзостей! И всему причина – рогоносец и развратница! Нечего сказать, славный повод для того, чтобы затевать раздоры и проливать кровь. Да проказа их заberi! Да задави их собственное распутство и раздор! *(Уходит.)*

Входят АГАМЕМНОН, УЛИСС, НЕСТОР, ДИОМЕД и АЯКС.

АГАМЕМНОН

А где Ахилл?

ПАТРОКЛ

Ахилл в шатре: он болен, государь!

АГАМЕМНОН

Скажи ему, что мы сюда явились.
Посланцев наших он прогнал, но мы

374

Решили пренебречь своим величьем,
Чтоб посетить его. Скажи ему –
Пусть он не думает, что мы забыли
Свой сан, такой поступок совершив.

ПАТРОКЛ

Я так и передам ему.

(Уходит.)

АГАМЕМНОН

Однако
Мы видели, что он сидит в шатре.
Совсем не болен он.

АЯКС

Болен-то он, положим, болен, но болезнь-то львиная: от гордости сердца. Если вы хотите польстить ему, можете называть Эту болезнь меланхолией; но, клянусь вам, это просто гордость. А почему? Чем это он так гордится? Пусть он объяснит нам причину своей гордости. – Позволь мне сказать тебе одно слово, государь! *(Отводит Агамемнона в сторону.)*

НЕСТОР

Что это Аякс на Ахилла так нападает?

УЛИСС

Да Ахилл переманил у него шута.

НЕСТОР

Кого? Терсита?

УЛИСС

Именно Терсита!

НЕСТОР

Ну, теперь, без Терсита, у Аякса не будет повода для разглагольствований.

УЛИСС

Ничего: теперь поводом будет то, что Терсит на поводе у Ахилла.

НЕСТОР

Тем лучше: для нас их свара приятней, чем их сговор.

УЛИСС

Коли мудрость не скрепляет дружбу, глупость легко расстраивает ее. А вот и Патрокл.

375

НЕСТОР

А с ним нет Ахилла?

Входит ПАТРОКЛ.

УЛИСС

Да, суставы слона, конечно, не приспособлены для реверансов. Ноги ему служат, но сгибаться не могут!

ПАТРОКЛ

Ахилл велел сказать, что сожалеет,
Когда не просто склонность к развлеченью
Царя со всею свитой привела
Сюда, к его шатру. Но он в надежде,
Что просто после плотного обеда,
Для улучшения пищеваренья,
Извоили прогуливаться вы.

АГАМЕМНОН

Патрокл! Привыкли мы к таким ответам.
Он избегает нас. Его строптивый
И дерзкий нрав давно известен всем.
Он многие имеет основанья
Достоинствами многими гордиться,
Но так переоценивает их,
Что умаляет тех достоинств цену.
Они противны нам, как плод прекрасный
На грязном блюде. Но скажи ему,
Что мы пришли, чтоб с ним поговорить.
Прибавь – греха особою не будет, –
Что гордецом надутым мы считаем
Его и что себя напрасно мнит он
Великим: он один такого мненья,
А мы спокойно наблюдать решили
Его причуд приливы и отливы,
Как будто бы и вправду наша слава
Зависит от него. Скажи ему,
Что, ежели он выше занесется, –
Он нам такой не нужен: пусть лежит,
Оставленный в пыли, как те машины,
Которые настолько неуклюжи,
Что непригодны воинам в бою.
Проворный карлик на войне ценнее,
Чем великан, от сна осоловелый.
Скажи ему все это в назиданье!

376

ПАТРОКЛ

Скажу и сразу принесу ответ.

(Уходит.)

АГАМЕМНОН

Через посредников договориться
Нам не удастся. Мы хотим с Ахиллом
Беседовать. – Иди к нему, Улисс!

Улисс уходит.

АЯКС

И верно: почему это он больше других?

АГАМЕМНОН

Да только потому, что сам он так полагает!

Аякс

Да неужто он и в самом деле так велик? Может, он воображает, что он лучше меня?

Агамемнон

Конечно, воображает!

Аякс

Ну, а вы – тоже так думаете?

Агамемнон

Нет-нет, благородный Аякс! Ты ему равен по силе, по доблести, по уму, да и по благородству, но ты мягче, скромнее и обходительнее...

Аякс

И с чего это иной раз люди бывают гордецами? Откуда у них Эта гордость берется? Вот я просто не знаю даже, что такое гордость!

Агамемнон

У тебя душа чище, Аякс, и достоинства твои выше. Гордый человек сам себя пожирает. Гордость – его зеркало, его труба, его собственная летопись. А уж коли человек старается прославить себя не делами, а словами, то такое самопрославление пожирает его дела.

Аякс

Я ненавижу гордецов! Жабье отродье!

377

Нестор

(в сторону)

А самого себя любит! Ну не забавно ли?

Входит Улисс.

Улисс

Ахилл не хочет завтра выходить.

Агамемнон

А почему?

УЛИСС

Он никаких причин
Не называл. Он просто заявил,
Что таково его расположение,
Что не намерен он ни с кем считаться.

АГАМЕМНОН

Так, значит, он не хочет выйти к нам,
Уважив нашу вежливую просьбу?

УЛИСС

Он выдумал какой-то вздорный повод
Для недовольства. Он уж таи спесив,
Что, даже сам беседуя с собою,
Способен обижаться на себя.
От чванства, себялюбия и спеси
Уж сам не знает он, как поступать.
Он, царственный Ахилл, теряет силы,
В самом себе потворствуя раздору.
Спесь, как чума, им овладела. Гибель
Ему грозит.

АГАМЕМНОН

Пускай к нему пойдет
Аякс.

(Аяксу.)

Иди, мой друг, слова привета
Скажи ему: к тебе он благосклонен;
Ты, может быть, его уговоришь!

УЛИСС

О Агамемнон, царь! Да не свершится
Такое! Божества да отведут
Аякса от Ахилла! Пусть гордец

378

В соку своей же спеси, как жаркое
Прожарившийся, ничего иного
Не признающий, кроме вечной жвачки
Тщеславия, – не встретит никогда
Почтенья от того, кого считаем
Мы все ничуть не меньшим, чем Ахилл!
Нет! Этот трижды славный, трижды смелый

Своей высокой славы не уступит,
Не склонит головы перед Ахиллом,
К Ахиллу не пойдет!
Зачем потворствовать надутой спеси
И угли подбавлять в созвездье Рака,
И без того горящего усердьем
К Гипериону славному! О нет!
Тогда Юпитер сам громами грянет:
«Пускай гордец к достойному придет:
Ахилл к Аяксу, не Аякс к Ахиллу!»

НЕСТОР

(в сторону)

Отлично! Эта лесть ему по сердцу!

ДИОМЕД

(в сторону)

Молчит он, наслаждаясь похвалою!

АЯКС

Уж если я пойду, так лишь затем,
Чтоб смазать гордеца по дерзкой роже!

АГАМЕМНОН

Нет! Нет! Не надо!

АЯКС

Если предо мной
Захочет он почваниться – ему
Я спесь собью! Пустите же! Пойду я!

УЛИСС

Нет! Нет! Не надо! Ни за что на свете!

АЯКС

Нахал паршивый!

НЕСТОР

(в сторону)

Словно о самом себе говорит!

АЯКС

Ишь ты! Даже вежливым быть не желает!

УЛИСС

(в сторону)

Да! Ворон ворону глаз клюет! Это против пословицы!

АЯКС

Да я из него все кишки выпущу!

АГАМЕМНОН

(в сторону)

Врачу, исцелися сам!

АЯКС

Эх! Кабы все думали так же, как я!

УЛИСС

(в сторону)

Тогда перевелись бы разумные люди!

АЯКС

Да разве можно такое терпеть? Ему еще собьют спесь! Он еще получит по заслугам!

НЕСТОР

(в сторону)

Ну, положим, половину получишь ты!

УЛИСС

(в сторону)

Нет! В десять раз больше!

АЯКС

Я его в порошок сотру! Лепешку из него сделаю!

НЕСТОР

(в сторону)

Ну-ка, хвалите еще! Подливайте, подливайте масла в огонь чтобы его спесь разгорелась!

(Агамемнону)

Не нужно огорчаться, повелитель!

НЕСТОР

Не нужно, благородный вождь, не нужно!

ДИОМЕД

Мы можем обойтись и без Ахилла!

УЛИСС

Ведь есть у нас герой, Ахиллу равный.
Он пред тобою. Только не хочу
В лицо его хвалить.

НЕСТОР

А почему же?
Ведь он не так заносчив, как Ахилл!

УЛИСС

Хоть он, как всем известно, столь же храбр!

АЯКС

Да чтобы позволить этому сукину сыну так над всеми нами
издеваться! Да будь он троянцем...

НЕСТОР

Скажите, какой порок вы найдете у Аякса?

УЛИСС

Разве он чванлив?

ДИОМЕД

Или падок на похвалы?

УЛИСС

Или угрюм?

ДИОМЕД

Или капризен и себялюбив?

УЛИСС

Да, ты, Аякс, отличнейшего нрава!
Хвала богам! Благодаренье небу!
Хвала отцу, зачавшему тебя,
Хвала и матери, тебя вскормившей,

И тем хвала, кто воспитал тебя,

381

И трижды самому тебе хвала.
Но тот, кто научил тебя сражаться,
Способен только с Марсом разделить
Бессмертие. Милон, быка таскавший,
Один подобен мощному Аяксу
По силе мышц. Но о твоём уме
Не говорю: он каменной оградой
Размах твоих талантов окружает!
Наш Нестор мудр от старости своей;
Он должен мудрым быть в такие годы! –
Прости, отец наш Нестор! Будь ты юн,
Как наш Аякс, ты мудростью едва ли
Аякса разум мог бы превзойти,
Но был бы, как Аякс!

А Я К С

Посмею ль я
Назвать тебя отцом?

Н Е С Т О Р

Да, сын мой милый!

Д И О М Е Д

Во всем, Аякс, ему ты повинуйся.

У Л И С С

Не время медлить: наш олень Ахилл
В лесу укрылся. Соблаговоли,
Великий вождь, созвать совет военный.
Троянцы получили подкрепление.
Завтра – бой. Должны мы победить!
Вот наш герой, героев лучших цвет:
Ему по силе в мире равных нет!

А Г А М Е М Н О Н

Пусть на мели Ахилл великий спит:
Другой корабль теперь вперед летит!

Уходят.

282

АКТ III.

СЦЕНА 1.

Троя. Дворец Приама.

Входят ПАНДАР и СЛУГА.

ПАНДАР

Эй, друг! Одно словечко! Скажи, пожалуйста, не ты ли ходишь за молодым царевичем Парисом?

СЛУГА

Хожу, сударь, когда он идет впереди.

ПАНДАР

Я хотел спросить – ему ли ты служишь?

СЛУГА

Да, сударь, я служу своему господину.

ПАНДАР

И ты служишь благородному господину! Не могу не признать, что он достоин хвалы!

СЛУГА

Достоин хвалы!

ПАНДАР

А меня-то ты знаешь ли?

383

СЛУГА

Знаю, сударь, но, по правде говоря, не совсем.

ПАНДАР

Ну, так узнай меня лучше: я – высокородный Пандар!

СЛУГА

Надеюсь узнать вас поближе, ваша честь!

ПАНДАР

Да, таково и мое желание!

СЛУГА

Я надеюсь, что ваша милость будет...

ПАНДАР

Меня следует называть «ваша честь», а не «ваша милость».

Из глубины дворца доносится музыка.

Что это за музыка?

СЛУГА

Ну, о музыке я знаю не много, сударь; знаю только, что музыкантов много.

ПАНДАР

А музыкантов ты знаешь?

СЛУГА

Вполне, сударь.

ПАНДАР

А для кого они играют?

СЛУГА

Для тех, кто слушает их, сударь.

ПАНДАР

Я разумел: чей слух они услаждают, любезный?

СЛУГА

И мой, сударь, и любого, кто любит музыку.

ПАНДАР

Нет, я спрашиваю относительно распоряжения...

384

СЛУГА

Разве я вправе распоряжаться, сударь?

ПАНДАР

Мы с тобой, приятель, друг друга не понимаем: я, кажется, слишком вежлив, а ты слишком хитер. Я спрашиваю, по чьему приказу играют эти люди?

СЛУГА

А! Ну это другое дело, сударь. Теперь мне ясно. По приказу господина моего Париса, сударь! Он там лично

присутствует, а с ним смертная Венера, венец красоты, воплощение любви...

ПАНДАР

Моя племянница Крессида?

СЛУГА

Нет, сударь, Елена! Разве вы не догадались по тому, как я ее описываю?

ПАНДАР

Да ты, голубчик, вероятно, не видел прекрасной Крескиды. Я пришел к Парису от царевича Троила; мне нужно немедленно видеть Париса, у меня дело, не терпящее отлагательств! Дело не терпит – понимаешь?

СЛУГА

Да, как будто понимаю: вам не терпится...

Входят ПАРИС, ЕЛЕНА и свита.

ПАНДАР

Приветствую тебя, царевич, и всех твоих прекрасных спутников! Наилучшего исполнения наилучших желаний в наилучшие сроки! – Особенно тебе, наилучшая из цариц! Наилучшие мечты да послужат тебе наилучшим изголовьем!

ЕЛЕНА

Высокочтимый Пандар! У тебя всегда запас наилучших слов!

ПАНДАР

Для твоего удовольствия, сладчайшая царица! – А почему же прервалась эта прекрасная музыка, прекрасный Парис?

ПАРИС

Да ты же сам прервал ее, родственничек! Но, клянусь жизнью, ты сумеешь все это поправить, да еще и сам присочинить

385

кое-что! – Знаешь, Нелли, он умеет петь на все лады и ловок все улаживать.

ПАНДАР

Не верь, владычица, не верь! Это не так!

Е Л Е Н А

Да неужели?

П А Н Д А Р

Не одарен, царица! Не одарен! Сущяя правда: не одарен!

П А Р И С

Отлично сказано: какая гамма скромности! Сама гармония!

П А Н Д А Р

У меня есть дело к царевичу, милая царица! – Позволь мне сказать тебе несколько слов, царевич!

Е Л Е Н А

Нет! Ты от нас не уйдешь! Ты должен непременно спеть!

П А Н Д А Р

Ты шутишь, сладчайшая царица! – Но, право же, царевич, дорогой мой и глубокочтимый друг, брат твой Троил...

Е Л Е Н А

Ах, Пандар! Медоточивый Пандар!

П А Н Д А Р

Полно, полно, сладчайшая царица. – Я убедительно прошу тебя, настоятельно и почтительно прошу...

Е Л Е Н А

Нет! Нет! Не лишай нас удовольствия тебя послушать! Не огорчай нас!

П А Н Д А Р

Сладчайшая царица! Вот уж поистине сладчайшая царица...

Е Л Е Н А

А огорчить сладчайшую – это ведь тяжкая вина!

П А Н Д А Р

Нет! Этим ты ничего не достигнешь! Нет! Нет! Ей-богу, нет! Меня словами не возьмешь! Царевич Троил просил, чтобы если

царь спросит о нем за ужином, ты бы нашел способ разумно объяснить его отсутствие.

Е Л Е Н А

Любезный Пандар...

П А Н Д А Р

Что изволит изречь моя сладчайшая царица, моя наисладчайшая царица?

П А Р И С

Что он затеял? Где это он сегодня ужинает?

Е Л Е Н А

Но, любезный Пандар...

П А Н Д А Р

Что изволит изречь моя сладчайшая царица? – Ну зачем сам знать, где он будет ужинать?

П А Р И С

Жизнью ручаюсь, что он будет с этой совратительницей Крессидой!

П А Н Д А Р

Нет! Нет! Ничего подобного! Вы оба заблуждаетесь! Совратительница эта больна!

П А Р И С

Ладно, я придумаю, как объяснить его отсутствие.

П А Н Д А Р

Уж пожалуйста, царевич! И чего тебе пришла в голову Крессида? При чем тут Крессида? Нет! Ваша бедная совратительница больна.

П А Р И С

Я, кажется, догадываюсь...

П А Н Д А Р

Ты догадываешься? Ну о чем ты догадываешься? Дайте-ка мне лучше инструмент, и я вам сыграю. – Приказывай, сладчайшая царица!

ЕЛЕНА

Вот это мило!

ПАНДАР

Племянница моя без ума от одного предмета, который принадлежит тебе, сладчайшая царица!

387

ЕЛЕНА

Она получит этот предмет, любезный Пандар, если только это не супруг мой Парис.

ПАНДАР

Он? Нет! Тот, кто ей мил, разлучен с нею, но они мечтают соединиться!

ЕЛЕНА

Соединиться? Из таких соединений трое получаются!

ПАНДАР

Нет-нет, я такого и слышать не хочу. Лучше я спою вам песенку.

ЕЛЕНА

Ах! Пожалуйста, любезный Пандар! Какой ты милый! И какой у тебя лобик прекрасный!

ПАНДАР

Да что ты! Что ты!

ЕЛЕНА

Только пусть это будет песня о любви, о любви, которая покоряет всех нас! О Купидон! Купидон! Купидон!

ПАНДАР

О любви? Хорошо, так тому и быть!

П А Р И С

Да-да! Любовь, любовь! Одна любовь!

ПАНДАР

(поет)

Любовь, любовь всем миром управляет!

Разит ее стрела
Орлицу и орла.
Не тем любовь сильна,
Что ранит нас она,
А тем, что щекотаньем растрawляет.
Любовники вопят: «Конец! Последний вздох!»
Но то, что рану как бы углубляет,
В «ха-ха-ха» все «ох-ох-ох»
Страданий превращает.

388

Сперва «ох-ох», а после «ха-ха-ха»,
«ох-ох», а после «ха-ха-ха» – ха-ха!

Е Л Е Н А

Да он сам влюблен! Влюблен! Честное слово, влюблен! По
уши влюблен!

П А Р И С

Он питается одними голубями, радость моя, а это распалает
кровь, а пылкая кровь порождает пылкие мысли, а пылкие
мысли порождают пылкие действия, а пылкие действия –
это и есть любовь.

П А Н Д А Р

Это что ж такое – родословная любви, что ли? Пылкая кровь,
пылкие мысли, пылкие действия... И ведь все это ехидны;
значит, и любовь не что иное, как порождение ехидны! Боги
всемогущие! А кто же у нас сегодня на поле боя?

П А Р И С

Гектор, Деифоб, Гелен, Антенор и весь цвет троянского
воинства. Я и сам бы пошел, да вот моя Нелли не пустила.
Но как это случилось, что и брат мой Троилен не пошел?

Е Л Е Н А

Где-то он тоже застрял. Но ты-то ведь знаешь, любезный
Пандар.

П А Н Д А Р

Да откуда мне знать, сладчайшая царица? Я сам жажду от
кого-нибудь услышать, что с ним сегодня случится. – Так не
забудь же объяснить отсутствие брата, царевич!

ПАРИС

Можешь на меня положиться!

ПАНДАР

Прощай, сладчайшая царица!

ЕЛЕНА

Передай от меня привет твоей племяннице.

ПАНДАР

Передам, сладчайшая царица!

(Уходит.)

Трубят отбой.

389

ПАРИС

Трубят отбой! Идем же во дворец
Приама, чтоб приветствовать героев.
Любимая Елена! Ты должна
Снять с Гектора доспехи боевые:
Упрямые застежки лат его
Твоим прекрасным пальцам подчинятся
Охотнее, чем грубому мечу
И силе мышц неукротимых греков.
Ты, ты должна его обезоружить.

ЕЛЕНА

Ему, Парис, я рада услужить.
Ведь если примет он мою услугу,
Вручит он этим самым и венец
Моей красе...

ПАРИС

О как тебя люблю я!

Уходят.

СЦЕНА 2.

Плодовый сад за домом Пандара.

Входят с разных сторон ПАНДАР и мальчик, слуга Троида.

ПАНДАР

Ну как? Где твой господин? Уж верно, у моей племянницы Крессиды?

СЛУГА

Нет, сударь, он ждет, чтобы вы его туда провели!

Входит ТРОИЛ.

ПАНДАР

А вот и он! Ну как дела? Как дела?

ТРОИЛ

(слуге)

Уходи-ка отсюда.

Слуга уходит.

ПАНДАР

Ну что же? Видел ты мою племянницу?

390

ТРОИЛ

Нет, Пандар. Я слонялся у дверей,
Как тень, которая у берега Стикса
Ждет переправы. Будь Хароном мне
Ты сам: перевези меня скорее
На светлые поля, где буду я
На ложе белых лилий наслаждаться!
О Пандар! Оторви у Купидона
Сверкающие крылья – и летим
Со мной к моей Крессиде!

ПАНДАР

Ты жди в саду, а я схожу за нею.

(Уходит.)

ТРОИЛ

Кружится голова. Воображенье
Желанную мне обещает встречу,
И я уж очарован и пленен.
Что ж станется со мной, когда вкушу я
Любви чудесный нектар! Я умру!
Лишусь сознания или обрету
Способность высшее познать блаженство,

Чья сила сладкая непостижима
Для грубых чувств и недоступна им.
Но я боюсь, что вовсе не сумею
Блаженства светлый облик распознать:
Так в битве, ничего не ощущая,
Крошит герой бегущего врага
В неистовстве.

Входит ПАНДАР.

ПАНДАР

Сейчас она будет готова и придет сюда. Ну, теперь не упусти случай. Она очень взволнована: вся горит и даже задыхается, как будто ее напугало привидение. Ну, я пошел за ней. И хороша же, чертовка! А сердечко-то у нее бьется как!словно у пойманного воробушка! (*Уходит.*)

ТРОИЛ

Волненье и меня обуревают.
Как сильно бьется сердце! Мысли, чувства

391

В смятенье, словно робкие вассалы
Перед лицом монарха своего.

Входят ПАНДАР и КРЕССИДА.

ПАНДАР

Ладно, ладно! Нечего смущаться и краснеть. Стыдливость – это ребячество. – Вот она! Скажи теперь ей самой все те красивые слова, которые говорил мне. – Да куда же ты, племянница? За тобой, оказывается, нужен глаз да глаз, пока тебя не приручишь. Иди-иди, не брыкайся, а то мы тебя взнуздаем. – А ты-то почему молчишь? – Да ну же, племянница, сними покрывало и покажись нам во всей красе. Жаль вот только, что сейчас ясный день: вы оба боитесь дневного света; будь потемней, вы бы скорее сговорились. Ну-ка, нацелься получше и не промахнись! Теперь – долгий поцелуй. Такой долгий, чтоб хороший плотник успел дом заложить. Что ж вы медлите? И место подходящее и воздух чистый! Начинайте же, пока я не разъединил вас. На то и соколы, чтобы утки не дремали. Приступайте же!

ТРОИЛ

Повелительница! Увидев тебя, я забыл все слова, какие знал.

ПАНДАР

Что слова? Словами долги не платят. Ты покажи ей дела. Но боюсь, что она лишила тебя и способности действовать, и когда дойдет дело до действий... Ну что? Еще не поладили? Не знаете, с чего начать? Так я подскажу вам, как пишут векселя: «в подтверждение того, что обе стороны взаимно...» и так далее. Войдите-ка в дом, а я принесу огонька! (*Уходит.*)

КРЕССИДА

Желаешь ли ты войти, царевич?

ТРОИЛ

О Крессида! Как долго я мечтал об этом!

КРЕССИДА

Ты мечтал? Да ниспошлют тебе боги.....

ТРОИЛ

Что они должны ниспослать мне? Что? Почему ты так обольстительно умолкла? Ужели моя прекрасная повелительница заметила мутный осадок в источнике нашей любви?

392

КРЕССИДА

Мутного осадка больше, чем поды, если страх мой не слеп.

ТРОИЛ

Страх! Да ведь ему и херувимы чудятся дьяволами! Страх всегда слеп!

КРЕССИДА

Слепой страх, ведомый зрячим рассудком, скорее найдет верный путь, чем слепой рассудок, идущий наугад без всякого страха. Недаром говорят: побережешься, так и спасешься!

ТРОИЛ

О повелительница! Не думай о страхе. В свите Купидона нет и не бывает чудовищ!

КРЕССИДА

А что-нибудь чудовищное бывает?

ТРОИЛ

Ничего чудовищного, но дикого много: например, наши слова, когда мы клянемся пролить моря слез, броситься в огонь, искрошить скалы, укротить тигров силой нашей страсти. Нам ведь кажется, что нашей повелительнице трудно выдумать для нас достаточно тяжелое испытание, чем нам это испытание выдержать. В любви, дорогая, чудовищна только безграничность воли, безграничность желаний, несмотря на то, что силы наши ограничены, а осуществление мечты – в тисках возможности.

КРЕССИДА

Говорят, что все влюбленные клянутся совершить больше, чем они способны, что они хвастают за десятерых, а не делают и десятой доли того, что может сделать один; говорят голосом льва, а поступают как зайцы. Разве они не чудовища?

ТРОИЛ

Да нет же, они не такие! Цените нас по заслугам, хвалите только за содеянное. Мы будем ходить с непокрытой головой, пока не заслужим венка. Не хвалите нас за предстоящие подвиги, не называйте заслугой то, что еще не совершено, а если оно и совершено, до поры до времени давайте ему скромное название. Я скажу мало, но искренне: Трои́л будет для Кресси́ды таким, что сама Зависть сможет издеваться только над его верностью, но уж о верности Трои́ла я говорю верно!

393

КРЕССИДА

Желаешь ли ты войти, царевич?

Возвращается ПАНДАР.

ПАНДАР

Как! Все еще робеете и краснеете? И все еще не договорились до дела?

КРЕССИДА

Отныне, дядюшка, все глупости, которые я совершу, я свалю на тебя.

ПАНДАР

И на том спасибо. Если у вас получится мальчик, то хлопоты о нем можешь свалить на меня. Только смотри будь верна царевичу. А если он начнет фальшивить – опять же вали все на меня!

ТРОИЛ

Вот залог моей любви: слово твоего дяди и моя верность!

ПАНДАР

Положим, я и за ее верность поручусь. Женщины нашей породы долго упорствуют, пока за ними ухаживают, но уж раз сдадутся, то бывают верны. Между нами говоря, они как репейник: уж к кому пристанут – не оторвешь!

КРЕССИДА

Я становлюсь смелей. Ну что ж, царевич:
Я много, много дней тебя люблю!

ТРОИЛ

Зачем же так горда была Крессида?

КРЕССИДА

Горда на вид, но я уже была
Покорена при самом первом взгляде.
Я долго не хотела говорить
Об этом, чтобы ты не стал тираном.
Но я теперь скрывать любовь не в силах:
Она сильнее меня. О нет! Я лгу!
Как дети расшалившиеся, мысли
Повиноваться мне уж не хотят.
К чему я это попусту болтаю?

394

Кто будет верен нам, коль так беспечно
Мы собственные тайны предаем?
Да, я люблю, но не искала встречи...
Ах, если б женщины имели право,
Которое дано одним мужчинам –
В своей любви открыто признаваться!
Любимый! Прикажи мне помолчать,
А то я увлекусь и наболтаю
Такого, в чем раскаиваться стану.
Смотри, смотри, мой друг! Твое молчанье

Заставило меня заговорить
И в слабости моей тебе признаться!
Закрой мне рот, прошу тебя, царевич!

ТРОИЛ

(целует ее)

Закрою, как ни сладостны слова,
Которые из этих уст исходят!

ПАНДАР

Славно, ей-богу, славно!

КРЕССИДА

Прошу тебя, прости меня, царевич!
Совсем я не просила поцелуя.
Мне стыдно! Боже! Как же так случилось?
Позволь же мне, царевич, удалиться!

ТРОИЛ

Прекрасная, ты хочешь удалиться?

ПАНДАР

Не ранее, чем завтра на рассвете.

КРЕССИДА

Прошу тебя!

ТРОИЛ

Но что тебя волнует?

КРЕССИДА

Я, я сама!

ТРОИЛ

От самое себя
Не убежать.

КРЕССИДА

Но я хоть попытаюсь.
С тобой ведь остается все равно
Та часть меня, чья участь – быть рабою
Твоей навек. Ах, где же разум мой?
Что говорю, уж я сама не знаю!

ТРОИЛ

Кто говорит разумно, тот не может
Не знать, что говорит.

КРЕССИДА

Но, может быть,
С тобой сейчас, царевич, я хитрила,
Чтоб выведать все помыслы твои,
Узнать – разумен ты или безумен:
Ведь быть разумным и влюбленным трудно;
Ведь даже боги любят безрассудно!

ТРОИЛ

О, если б женщина была способна
Своей любви и верности светильник
От юности цветущей пронести
До старости! Чтоб красоту и свежесть
Любовь своим дыханьем возрождала.
О, если б я, любимая, поверил,
Что верность и доверчивость моя
Найдет в тебе ответ и ту же меру
Чистейшей, верной, преданной любви, –
Я чувствовал бы крылья. Но, увы!
Я верю, как ребенок, я наивен,
И верно ль верю я – не знаю сам!..

КРЕССИДА

Я ощущаю то же, что и ты!

ТРОИЛ

О, спор прекрасный двух сердец влюбленных!
Пускай клянутся именем Троила
Любовники грядущих поколений,

396

Твердя любимым, что они верны,
Как солнцу – травы, как луне – приливы
Магнит – железу, голубю – голубка,
Иль как земля закону тяготенья.
Когда ж запас метафор истошат,
В суть верности проникнуть не умея,
Пусть вымолвят: «Верны мы, как Троил!» –
И этими словами увенчают
Все клятвы нежности.

КРЕССИДА

Пусть будет так!
И если я нарушу эту верность,
Пусть через много долгих, долгих лет,
Когда дожди источат стены Трои,
Когда поглотит хмурое Забвенье
Все наши города и даже царства
Могучие истлеют, превратись
В безликий прах, – пускай живет одно
Воспоминанье о моей измене.
Клеймя измены всех неверных дев,
Пусть скажут, что была непостоянна
Я, как вода, как ветер и песок,
Коварна, как лисица или волк,
Хватающий невинного ягненка,
Как леопард, который ловит лань,
Бесчувственна, как мачеха! Пускай,
Клеймя измену, говорят с презреньем:
«Коварна, как Крессида!»

ПАНДАР

Ну вот и хорошо! Сговорились, кажется! Теперь только приложить печать, печать обязательно. А я буду свидетелем. Протяни руку, царевич. – Дай твою руку, племянница. Если только вы когда-нибудь друг другу измените, после того как я положил столько сил, чтобы свести вас, – пусть до самого конца мира всех злосчастных, незадачливых сводников зовут Пандарами, всех неверных мужчин – Троилами, а всех коварных женщин – Крессидами. Аминь.

ТРОИЛ

Аминь!

КРЕССИДА

Аминь!

397

ПАНДАР

Аминь! А теперь я проведу вас в комнатку; там есть ложе. А чтобы оно не болтало о ваших встречах – давите его изо всех сил! Идем!
Пусть Купидон пошлет всем скромным девам то же:
Посредника, и комнатку, и ложе!

Уходят.

СЦЕНА 3.

Греческий лагерь.

Трубы. Входят АГАМЕМНОН, УЛИСС, ДИОМЕД, НЕСТОР, АЯКС, МЕНЕЛАЙ и
КАЛХАС.

КАЛХАС

Великие мужи! Приспело время
Просить у вас за все, что я свершил,
Достойную награду. Прозревая
Грядущее, покинул Трою я,
Оставил дом и все свое богатство,
Изменника название заслужил
И этим навсегда себя обрек
Сомнительной судьбе, всего лишившись –
Друзей, родных, и почестей, и сана,
Всего того, к чему давно привык.
Отныне делу вашему служу я
И, словно только что на свет родился,
Всему и всем я чужд и незнаком.
Но вас теперь я слезно умоляю
Мне дать хотя бы часть награды той,
Которую вы щедро обещали.

АГАМЕМНОН

Чего ж ты хочешь? Говори, троянец!

КАЛХАС

Вчера захвачен пленник – Антенор.
Сей Антенор троянцам очень дорог.
Уже не раз вы делали попытки, –
За что вам приношу благодаренье, –
Мою Крессиду получить взамен
Какого-нибудь пленника; но Троя
Все эти предложенья отклоняла.

398

Однако же потеря Антенора
Троянцам нанесла такой урон,
Что ничего они не пожалеют,
Чтоб получить его. Уверен я:
Взамен его они отдать могли бы

Любого из Приамовых сынов.
Верните же троянцам Антенора,
Чтоб дочь мою Крессиду получить,
И это я приму как награждение
За все мои услуги.

АГАМЕМНОН

Диомед!
Тебя я отправляю за Крессидой.
Просимое Калхасу отдадим.
Устрой же сей обмен как подобает
И сообщи, что, если поединка
Желает Гектор, то Аякс готов!

ДИОМЕД

Все выполню. Горжусь, что доверяют
Мне это бремя!

ДИОМЕД и КАЛХАС уходят.

Из шатра выходят АХИЛЛ и ПАТРОКЛ.

УЛИСС

Ахилл стоит у своего шатра!
Вот если б нам пройти спокойно мимо,
Не бросив даже взгляда на него,
Как будто мы о нем не помышляем!
Я сзади всех пойду. Меня, наверно,
Он спросит, почему небрежны с ним.
Тогда я поднесу ему лекарство
Насмешки над чужим высокомерьем
И собственной спесивостью его.
Охотно выпьет он питье такое
И, может быть, в чужом высокомерье,
Как в зеркале, увидит облик свой.
Коленопреклоненьем – все мы знаем –
Мы чванству только цену набавляем.

АГАМЕМНОН

Совет неплох: последуем ему.
Пусть каждый, на Ахилла не взглянув,
Пройдет надменно или еле-еле

Ему кивнет, – а это для него
Еще обидней! Следуйте ж за мною!

АХИЛЛ

Как! Вы опять пришли? Ведь я сказал,
Что против Трои больше не сражаюсь.

АГАМЕМНОН

Что говорит он? Он о чем-то просит?

НЕСТОР

(Ахиллу)

С царем желаешь ты поговорить?

АХИЛЛ

Нет!

НЕСТОР

Государь, он ни о чем не просит!

АГАМЕМНОН

Не просит? Что ж! Тем лучше для него.

АГАМЕМНОН и НЕСТОР уходят.

АХИЛЛ

Эй, добрый день!

МЕНЕЛАЙ

Да, добрый... Да, да, да...

(Уходит.)

АХИЛЛ

Э! Рогоносец, кажется, смеется?

АЯКС

Ну как, Патрокл?

АХИЛЛ

Аяксу добрый день!

АЯКС

Э?

АХИЛЛ

Добрый день, я говорю, Аяксу.

Аякс

И завтра тоже будет добрый день.

(Уходит.)

Ахилл

Да что они – Ахилла не узнали?

Патрокл

Прошли-то как надменно! А бывало,
Улыбками, поклонами встречали,
Едва не становились на колени,
Как в храме!

Ахилл

Полно! Как же это так?
Да разве стал я жалок или беден?
Мы знаем, что покинутых Фортуной
И люди покидают. О своем
Паденье мы в глазах друзей читаем
Скорей, чем сами чувствуем его.
Все люди – мотыльки и только летом
Легко порхают. Не умеем чтить
Мы в человеке просто человека:
Мы почитаем лишь его почет,
Его богатство, славу, положение,
Не думая, как это все случайно!
Чуть поскользнешься – и любовь людская
Теряет равновесие мгновенно
И умирает падая. Но я
С Фортуной дружен. Всем я обладаю,
Чем до сих пор по праву обладал.
Так что ж могли они во мне заметить,
Дающее им право перестать
Ко мне с почтеньем прежним относиться?
Но вот идет Улисс, читая что-то.
Его спрошу я. – Как дела, Улисс?

Улисс

Дела идут, великий сын Фетиды!

Ахилл

А что читал ты?

Улисс

Да один чудак
Мне пишет, будто внутренне и внешне

401

Богато одаренный человек
Тогда лишь качества свои познает,
Когда они других людей согреют
И возвратятся с отраженной силой
К источнику.

А х и л л

Да это так и есть!
Ведь даже красоту свою познать
Мы можем, лишь увидев отраженной
В глазах других. И даже самый глаз
Не может, несмотря на совершенство
Строенья, видеть самого себя.
Но если глаз глаза других встречает,
В глазах других читает он привет.
Ведь и познание не в себе самом,
А в том, что познает, черпает силу.

У л и с с

Я с этой мыслью спорить не хочу,
Но автор доказать еще стремится,
Что будто человек не управляет
Своими совершенствами, пока
Их не применит на других, что будто
Не знает вовсе он себе цены,
Пока его другие не оценят
Достойной похвалой, подобно своду,
Что отвечает на любые звуки,
Или подобно стали, что приемлет
Тепло и свет, но отражает сразу
И облик солнца и его тепло.
Я поразился этим рассуждением,
Задумался – и мне на ум пришел
Непризнанный Аякс.
О небо, небо! Что за человек!
Подумать только! Вот иной на вид
Смешон и туп – а сколько в нем сокрыто!
Меж тем иной, согласно чтимый всеми,
На деле-то не стоит ни гроша.
Но завтра случай все решит: быть может,

Прославленным Аякса назовут.
Иные действуют, иные дремлют;
Иной Фортуне лишь потехой служит,
Иной, глядишь, пробрался к ней в чертог!
У гордеца урвать кусочек счастья

402

Не трудно, ежели гордец беспечен.
Уж и теперь угрюмого Аякса
Стремится каждый по плечу похлопать,
Как будто он уж придавил ногой
Грудь доблестного Гектора и Трюю
Разрушил.

А х и л л

На меня уж и не смотрят.
Прошли, как мимо нищего. Пожалуй,
Забыли все, содеянное мной!

У л и с с

Есть страшное чудовище, Ахилл, -
Жестокое Забвенье. Собирает
Все подвиги в суму седое Время,
Чтоб их бросать в прожорливую пасть:
Забвенье все мгновенно пожирает.
Разумный муж хранит и чистит славу,
Как панцирь, а не то она ржавеет,
Но ржавый панцирь только для потехи
Пригоден. Будь же бдителен, Ахилл!
Узка тропинка Славы: рядом с нею
Один лишь может об руку идти.
Не уступай дороги, ибо Зависть
Имеет сотни сотен сыновей,
И все за Славой гонятся; а если
Уступишь место или отойдешь –
Все ринутся, как волны в час прилива,
Тебя оставив позади.
Так, ежели убит скакавший первым
Горячий конь, то задние ряды
Его затопчут. Новые деянья
Былые постоянно заслоняют.
Ведь Время, как хозяин дальновидный,
Прощаясь, только руку жмет поспешно,
Встречая ж – в распростертые объятья

Пришедших заключает. Слово «здравствуй»
Улыбчиво, а тихое «прощай»
Уныло. Забываются легко
Былая доблесть, красота, отвага,
Высокое происхождение, сила,
Любовь и дружба, доброта и неясность.
Все очернит завистливое Время
И оклеветает. Люди разных стран

403

Равны в одном: им дорого и любо
Все новое, хоть новое и лепят
Из старого. Ценнее и дороже
Нам позлащенной глины черепок,
Чем золото, измазанное глиной.
Мы ценим только то, что глаз прельщает.
Не удивляйся ж ты, великий муж,
Что греки начинают чтить Аякса.
Маячит он у всех перед глазами
И тем заметен. Ведь и о тебе
Кричали много и кричали б снова,
Когда б ты заживо не схоронил
Себя, да и свою былую славу.
О, не твои ль деяния недавно
Богов подвигли на соревнованье,
Заставив Марса в бой вступить?

Ахилл

Но я
Не без причины удалился.

Улисс

Верно.
Однако много доводов за то,
Чтоб ты не удалялся. Уж известно,
Что в дочь Приама ты влюблен.

Ахилл

Да ну?
Кому ж известно?

Улисс

Зоркому вниманью
Тех, кто умеет каждую крупницу
Сокровищ всех Плутоновых учесть,

Измерить все глубины океанов,
Проникнуть в суть и зарождение мыслей.
Божественную сущность государства
Не описать ни словом, ни пером.
Ее законами никто не вправе
Пренебрегать. Твои сношенья с Троей
Затрагивают и тебя и нас.
Ведь, сам ты понимаешь, подобает
Ахиллу победить не Поликсену,
А Гектора. Ведь даже юный Пирр
Смутится духом, коль пойдет молва

404

И станут петь все греческие девы:
«Ахилл сestroю Гектора пленен,
Зато Аяксом Гектор побежден!»
Прощай! Я говорю, тебя жалея:
Уж лед трещит под тяжестью твоею!

(Уходит.)

ПАТРОКЛ

И я, Ахилл, о том же говорю:
Как женщинам нахальным, так мужчинам
Изнеженным – не велика цена.
Я знаю, мне приписывают часто,
Не склонному к воинственным забавам,
Что будто я стараюсь удержать
Тебя своей любовью! Разомкни же
Игривые объятья Купидона,
Как лев росинки стряхивает с гривы.

АХИЛЛ

Так с Гектором Аякс пойдет сражаться?

ПАТРОКЛ

Да, и стяжает славу, может быть!

АХИЛЛ

Так, значит, честь моя уязвлена?

ПАТРОКЛ

Когда самих себя мы уязвляем,
Лечение трудно. Всякая беспечность
К опасности дает все полномочья

Опасности, разящей в ясный день
Того, кто праздно греется на солнце.

АХИЛЛ

Иди зови Терсита, милый друг!
К Аяксу я шута отправлю с просьбой
Сюда троянцев знатных пригласить
Без боевых доспехов после битвы.
Как женщина, стораю я желаньем
В одежде мирной Гектора узреть,
Наговориться с ним и наглядеться
На лик его. – Да вот и сам Терсит!
Отлично! И ходить за ним не нужно!

Входит ТЕРСИТ.

405

ТЕРСИТ

Ну и чудеса же творятся!

АХИЛЛ

В чем дело?

ТЕРСИТ

Да вот Аякс шляется по полю и сам с собой разговаривает!

АХИЛЛ

Это еще что?

ТЕРСИТ

А то, что завтра он должен выйти на поединок с Гектором, и он уж заранее так возгордился, предвкушая эту героическую потасовку, что пришел в неистовство и болтает чепуху.

АХИЛЛ

Как же это так?

ТЕРСИТ

А вот так! Выступает как павлин: то постоит, то опять пройдетя. Бормочет что-то про себя, как трактирщица, когда та в уме что-нибудь подсчитывает, не прибегая к счетам. Кусает губы с глубокомысленным видом, словно и в самом деле полагает, будто у него в голове что-то есть. Оно-то, впрочем, конечно, так: кое-что есть. Но ум в его голове все равно как огонь в кремне: пока не стукнешь как следует –

не увидишь! Да, пропал парень! Совсем пропал! Если он не свихнет себе шею в этом поединке с Гектором, так он сам свихнется от дурацкой спеси. Меня он теперь и узнавать не желает. Я ему говорю: «Здорово, Аякс!» – а он мне в ответ: «Спасибо, Агамемнон!» Ну что можно сказать о человеке, который меня принял за нашего вождя? Чудище какое-то: ни рыба ни мясо. Даже речи складной нет. Черт бы побрал это самое общественное мнение: его и так и сяк можно приспособить, и наизнанку можно носить, как кожаную одежду!

АХИЛЛ

Ты должен отправиться к нему послom от меня, Терсит!

ТЕРСИТ

Кто? Я? Да он никому не отвечает. Он так прямо и заявил, что разговоры – это удел попрошаек, а он умеет разговаривать

406

только кулаками. Сейчас я вам его изобразю: пускай Патрокл обратится ко мне с каким-нибудь вопросом – и вы увидите Аякса как живого.

АХИЛЛ

Ну, что ж, Патрокл, подойди и скажи ему: я покорнейше прошу доблестного Аякса пригласить достойнейшего Гектора прийти в мой шатер без оружия, а также прошу достать для особы Гектора охранную грамоту от шестижды-семижды прославленного правителя и вождя греков, Агамемнона. И далее в том же духе. Начинай!

ПАТРОКЛ

Благословение Юпитера великому Аяксу!

ТЕРСИТ

Угу!

ПАТРОКЛ

Я пришел к тебе от славного Ахилла.

ТЕРСИТ

Эге!

ПАТРОКЛ

Он покорнейше просит тебя пригласить Гектора в его шатер...

ТЕРСИТ

Угу!

ПАТРОКЛ

И добыть ему охранную грамоту от Агамемнона...

ТЕРСИТ

Агамемнона?

ПАТРОКЛ

Да, мой повелитель!

ТЕРСИТ

Эге!

ПАТРОКЛ

Каков будет твой ответ?

ТЕРСИТ

Да спасут тебя боги! От всего сердца...

407

ПАТРОКЛ

Мне нужен ответ, сударь.

ТЕРСИТ

Если завтра выдастся славный денек, то к одиннадцати часам все уже будет известно. Так или иначе, он мне дорого заплатит.

ПАТРОКЛ

Мне нужен ответ, сударь.

ТЕРСИТ

Желаю успеха! От всего сердца!

АХИЛЛ

Да неужто он в таком состоянии?

ТЕРСИТ

Нет, он не в состоянии, а именно не в состоянии что-либо соображать. Это полнейшее расстройство. Тут уж и

настраивать нечего: все вразброд. То-то будет музыка, если Гектор крепко стукнет его по башке! А может, и никакой музыки не будет? Вот разве что скрипач Аполлон наделает из его жил струн для своей скрипки.

АХИЛЛ

Ладно! Ты просто отнесешь ему письмо.

ТЕРСИТ

Дай-ка, я отнесу другое к его лошади: она сообразительнее.

АХИЛЛ

Мой разум помутился, как поток
Бурлящий. Дно я разглядеть не в силах!

Ахилл и Патрокл уходят.

ТЕРСИТ

Эх, кабы поток твоего разума стал снова чистым: я мог бы хоть осла в нем выкупать! Нет, уж лучше быть овечьей вошью, чем таким доблестным невеждой!

(Уходит.)

408

АКТ IV.

СЦЕНА 1.

Троя. Улица.

Входят с одной стороны ЭНЕЙ и его слуга с факелом, с другой стороны – ПАРИС, ДЕЙФОБ, АНТЕНОР, ДИОМЕД и другие греки с факелами.

ПАРИС

Кто там идет?

ДЕЙФОБ

Эней высокородный.

ЭНЕЙ

Ужели сам Парис передо мной?
Будь у меня такая же причина
Залеживаться долго – сами боги
Меня бы с ложа не могли похитить.

ДИОМЕД

Вот это верно! Добрый день, Эней!

ПАРИС

Эней! Приветствуй доблестного грека
И расскажи о том, как Диомед
Преследовал тебя на поле боя
Немало дней.

409

ЭНЕЙ

Привет! Цвети, герой,
И здравствуй в час беспечный перемирья.
Но в битве, если встретишься со мной,
Скажу: погибни смертью самой черной!

ДИОМЕД

Прими ж и от меня привет ответный.
Пока течет спокойно наша кровь,
Желаем мы друг другу процветанья;
Но в битве буду я, как злой охотник,
Безжалостно преследовать тебя.

ЭНЕЙ

И будь уверен: льва ты повстречаешь
И пасть его увидишь! Но теперь
Приветствую тебя как гостя в Трое.
Клянусь Анхизом и рукой Венеры,
Что вряд ли кто врага любил так сильно
И таит давно мечтал его сразить!

ДИОМЕД

Как это верно! Боги! Если меч мой
Эней своею смертью не прославит,
Пусть он живет десятки сотен лет;
Но, если суждено ему погибнуть
От моего меча, пусть смертью храбрых
Погибнет завтра ж от несчетных ран!

ЭНЕЙ

О, как мы славно сходимся во мненьях!

ДИОМЕД

Но и в сраженье мы сойдемся славно!

ПАРИС

Вот самый неприветливый привет
И самая враждебная любовь!
Зачем, Эней! ты поднялся так рано?

ЭНЕЙ

Царь звал меня. Зачем – еще не знаю.

ПАРИС

Ты должен в дом Калхаса с этим греком
Пойти и там прекрасную Крессида

410

Ему отдать в обмен за Антенора.
Идем же вместе. Или, может быть,
Вперед идти ты хочешь? Мне сдается,
Что брат Троил ночует там сегодня, –
Так разбуди его и расскажи
Ему о цели нашего прихода.
Боюсь, он будет нам не рад!

ЭНЕЙ

Конечно.
Охотней Троию он бы отдал грекам,
Чем дочь Калхаса – Трое.

ПАРИС

Изменить
Ничто не в силах горькое стечение
Событий. Так идем же поскорей!

ЭНЕЙ

Прощайте все. Иду, иду, царевич!

(Уходит вместе со слугой.)

ПАРИС

Скажи мне, благородный Диомед,
Правдиво, честно, как сказал бы другу;
Кто все-таки достойнее Елены –
Я или Менелай?

ДИОМЕД

Достойны оба.
Он тем, что ищет вновь ее вернуть,

Изменою ее пренебрегая,
Ты – тем, что удержать ее стремишься,
Не замечая, что она бесчестна,
Ценой страданий и затрат несметных,
Ценой потери доблестных друзей.
Он рад, рогатый, выпить все подонки,
Которые останутся в сосуде;
Ты, сладострастник, на развратном ложе
Готов зачать наследников своих!
Вы, со своей распутницею вместе,
Друг друга стоите, сказать по чести!

ПАРИС

Ты дочь своей отчизны не щадишь!

411

ДИОМЕД

Она ведь не щадит своей отчизны!
За каплю каждую порочной крови
В ее развратном теле отдал жизнь
Троянец или грек. Поверь, царевич:
За жизнь свою произнесла едва ли
Блудница эта больше добрых слов,
Чем пало добрых за нее голов!

ПАРИС

Прекрасный Диомед! Ты, как торговец,
Порочишь то, что покупать задумал.
Но мы благоразумно помолчим:
Расхваливать товар мы не хотим.
Идем же, друг!

Уходят.

СЦЕНА 2.

Там же. Двор перед домом Пандара.

Входят ТРОИЛ и КРЕССИДА.

ТРОИЛ

Рассвет холодный, милая: уйди!

КРЕССИДА

Любимый, только дядю позову я,

Чтоб отпер он калитку.

ТРОИЛ

Не тревожь
Его напрасно. Ляг! Пусть сон смежит
Прекрасные глаза и принесет
Забвенье, как беспечному ребенку.

КРЕССИДА

Но утро так прекрасно.

ТРОИЛ

Ляг, усни!

КРЕССИДА

Уж ты со мной скучаешь?

412

ТРОИЛ

О Крессида!
Когда бы петухи крикливым пеньем
И жаворонки день не разбудили,
Прогнав нас укрывающую ночь,
Я не ушел бы.

КРЕССИДА

Ночь была короткой.

ТРОИЛ

Она, колдунья, мнится бесконечной
Больным и страждущим, а из объятий
Любви летит скорей крылатой мысли.
Но уходи: ты можешь простудиться!

КРЕССИДА

Ах, не спеши! Всегда спешат мужчины!
Когда б тебя я дольше отвергала,
Сегодня не спешил бы ты. – Но кто там?

ПАНДАР

(из дома)

Зачем все двери настежь?

ТРОИЛ

Дядя твой!

КРЕССИДА

Ах, что за наказание! Он отравит
Мне жизнь теперь насмешками своими.

Входит ПАНДАР.

ПАНДАР

Ну как дела? Почему нынче девственность? Скажи-ка, милая,
где тут моя племянница Крессида?

КРЕССИДА

Отстань! Несносна мне твоя шутовость.
Ты сам меня до этого довел!

ПАНДАР

До этого? До чего же? – До чего? Ну-ка, скажи, до чего я тебя
довел?

413

КРЕССИДА

Ты сам негодник и других смущаешь,
И все вокруг стремишься загрязнить.

ПАНДАР

Хи-хи! Ах ты, бедняжка! Несчастливая моя курочка! Ты сегодня
не выспалась! Видно, он, негодяй, не давал тебе спать. Ах,
медведь его задави!

Стук в ворота.

КРЕССИДА

Вот так тебя по голове бы стукнуть!
Кто там явился, дядя, посмотри-ка. –
А ты пока войди ко мне, любимый!
Чего же ты смеешься, словно я
Тебе сказала чтонибудь плохое.

ТРОИЛ

Ха-ха!

КРЕССИДА

Нет, понял ты меня превратно!

Снова стук.

Ах, как они стучат. Прошу тебя,
Войди, чтоб здесь тебя не увидали!

ТРОИЛ и КРЕССИДА уходят.

ПАНДАР

(идет к двери)

Кто там? Что случилось? Чего вы ломитесь? В чем дело, я спрашиваю, что случилось?

Входит ЭНЕЙ.

ЭНЕЙ

Привет тебе, о благородный Пандар!

ПАНДАР

Как! Это ты, Эней? Клянусь богами,
Что не узнал тебя! Какие вести?

ЭНЕЙ

Троил царевич здесь?

414

ПАНДАР

Как! Здесь Троил? А что ему здесь делать?

ЭНЕЙ

Друг, не скрывай: он здесь, я это знаю.
Ему на пользу будет наша встреча.

ПАНДАР

Да неужто он здесь? Ей-богу, я не подозревал этого. Я ведь вернулся поздно и ничего не знаю. Но зачем бы ему здесь быть?

ЭНЕЙ

Напрасно ты отпираешься. Ты только вредишь ему этим. Знаешь, иная преданность бывает хуже предательства. Ты, конечно, можешь и не подозревать, что он тут, но все-таки советую тебе пойти за ним!

Входит ТРОИЛ.

ТРОИЛ

В чем дело? Что случилось?

ЭНЕЙ

О царевич!
Я так спешу, что не могу достойно
Приветствовать тебя. За мною следом
Парис, и Деифоб, и Антенор,
Из плена возвращенный; с ними грек,
Прекрасный Диомед. За Антенора
Ему должны мы возратить сегодня
Крессиду.

ТРОИЛ

Кто решение это вынес?

ЭНЕЙ

Приам и все великие мужи.
Они сейчас придут сюда, царевич.

ТРОИЛ

Как горько я за счастье поплатился!
Я встречу их! Но ты, Эней, меня
Не видел здесь. Мы встретились случайно.

415

ЭНЕЙ

Не беспокойся! Тайны я умею
Хранить надежней, чем сама природа.

ТРОИЛ и ЭНЕЙ уходят.

ПАНДАР

Да возможно ли это? Только что схватил и уже упустил!
Черт бы побрал этого Антенора! Царевич теперь с ума
сойдет. Чума задави этого Антенора! Хоть бы он себе шею
свернул.

Входит КРЕССИДА.

КРЕССИДА

Что, что случилось? Кто тут был сейчас?

ПАНДАР

Ах! Ах!

КРЕССИДА

Чего ты так вздыхаешь? Где царевич?

Скажи мне, милый дядя, что случилось?

ПАНДАР

Ах, провалиться бы мне сквозь землю!

КРЕССИДА

О боги! Да что же случилось?

ПАНДАР

Прошу тебя, уходи! Ах, зачем ты только на свет родилась! Я как будто знал, что ты будешь причиной его смерти. Ах, несчастный юноша! Ах, задави чума этого Антенора!

КРЕССИДА

О дядя, на коленях умоляю,
Скажи мне, что случилось?

ПАНДАР

Тебя возьмут от нас, голубушка! Тебя возьмут от нас! Тебя уже обменяли на Антенора. Ты отправишься к своему отцу и оставишь Троила, а для него это – гибель, смерть. Он этого не вынесет.

КРЕССИДА

Клянусь богами – не уйду отсюда!

416

ПАНДАР

Но ты должна!

КРЕССИДА

Нет, нет! Я не хочу!
Отца забыла я. Родство по крови
Мне не родство. Троил дороже мне
Всех близких и родных. О боги, боги!
Пусть именем Крессиды называют
Измену, если я его покину!
Ни время, ни насилие, ни смерть,
Мое терзая тело, не сумеют
Любовь сломить и уничтожить в нем.
Как центр земли, она всего основа!
О, горе мне! Пойду страдать и плакать!

ПАНДАР

Да, да! Иди!

КРЕССИДА

Я буду щеки нежные царапать,
Рвать волосы и голос надрывать!
Пусть сердце разорвется, призывая
Троила. Нет! Я не покину Трои!

(Уходит.)

СЦЕНА 3.

Перед домом Пандара.

Сходят ПАРИС, ТРОИЛ, ЭНЕЙ, ДЕИФОБ, АНТЕНОР и ДИОМЕД.

ПАРИС

Уж близится назначенное время,
Когда должны мы доблестному греку
Ее вручить. Мой милый брат Троил,
Пойди скажи Крессиде благородной
Об этом и ее поторопи.

ТРОИЛ

Войдите в дом. Я приведу ее
И греку передам. Но ты запомни:
Троил, твой брат, как жрец, в минуту эту
Приносит в жертву собственное сердце.

417

ПАРИС

Я знаю, что испытываешь ты.
Мне жаль тебя, но я помочь не в силах. –
Войдемте в дом, друзья, прошу вас всех!

Уходят.

СЦЕНА 4.

Комната в доме Пандара.

Входят ПАНДАР и КРЕССИДА.

ПАНДАР

Умерь свою печаль, умерь стенанья!

КРЕССИДА

К чему слова? Что я могу умерить?
Моя печаль могуча и безмерна,
Остра, сильна, как самая причина,
Родившая ее. Могу ль умерить
Такую боль? Когда бы силу чувства
Могла я сделать, как питье, прохладней,
Тогда б и боль была не так остра.
Но нет! Ничем я страсти не умерю:
Огромна боль, огромна и потеря!

Входит ТРОИЛ.

ПАНДАР

Ах, вот он! Голубки вы мои бедненькие!

КРЕССИДА

О Троил, Троил!

(Обнимает его.)

ПАНДАР

Вот это любовь! Залюбуешься, право! Дайте-ка, я тоже обниму кого-нибудь из вас. Как это в песне-то хорошо сказано:

Ах, бедное сердце, зачем вздыхать?
Тебе разорваться впору!

А оно отвечает:

Ничто мою боль не сможет унять:
Ни жалость, ни уговоры!

418

Чудесный стишок! Вот уж что верно, то верно – всякий пустяк может пригодиться, даже такой стишок. Ну, как, ягнятки мои?

ТРОИЛ

Крессида, я люблю тебя одну!
Я прогневил богов: хвалу бессмертным
Твердили холодно мои уста,
Когда тобою сердце пламенело, –
За это боги разлучают нас!

КРЕССИДА

Ужели боги завистью страдают?

ПАНДАР

Да-да, конечно! Это очевидно!

КРЕССИДА

Так, значит, я должна покинуть Троию?

ПАНДАР

Увы и ах!

КРЕССИДА

Как! И Троила тоже?

ПАНДАР

И Троию и Троила.

КРЕССИДА

Невозможно!

ТРОИЛ

Да, мы должны немедленно расстаться.
Судьба нам даже не дает отсрочки
И грубо нас растаскивает прочь,
Мешая нам в последнем поцелуе
Соединить уста; объятья наши
Насильно размыкает, заглушая
Последние обеты двух сердец.
Мы, тысячами нежных воздыханий
Купившие друг друга, отдаем
Теперь друг друга дешево, поспешно,
Единым воздыханьем проводив.
Как вор, спешит безжалостное время
Награбленное кое-как упрятать.

419

Все наши вздохи, клятвы, поцелуи,
Которых больше, чем на небе звезд,
Оно сжимает, душит, превращает
В короткое «прощай», как подаянье,
Оставив нам лишь поцелуй безвкусный,
Приправленный жестокой солью слез.

ЭНЕЙ

(из дома)

Пора и в путь. Готова ли Крессида?

ТРОИЛ

Тебя зовут. Так смерть кричит, наверно,
Свое «иди» страдальцам обреченным.
Пусть подождут. Она сейчас придет.

ПАНДАР

Да где же мен слезы? Лейтесь, слезы, лейтесь, пожалуйста,
чтобы унять эту бурю, а не то ведь и мое сердце можно
вырвать с корнем! *(Уходит.)*

КРЕССИДА

Так ухожу я к грекам?

ТРОИЛ

Да, к несчастью!

КРЕССИДА

Крессиде горестной – к веселым грекам?
Когда же вновь мы свидимся, любимый?

ТРОИЛ

Будь только ты верна мне! Будь верна!

КРЕССИДА

Ужель во мне ты можешь сомневаться?

ТРОИЛ

Нет, это не тревога подозренья.
Я говорю: «Будь только ты верна» –

420

Не потому, что я боюсь измены.
Я брошу вызов смерти, утверждая,
Что сердцем ты прекрасна и чиста.
Я говорю: «Будь только ты верна» –
Чтоб этим укрепить упорство веры,
Что свидимся мы вновь.

КРЕССИДА

О мой любимый!
Опасностям себя не подвергай
И твердо верь, что я тебе верна.

ТРОИЛ

С опасностями я уже сроднился.

Возьми рукав – залог моей любви!

КРЕССИДА

А ты – перчатку. Так когда же встреча?

ТРОИЛ

Я подкуплю всю греческую стражу,
Чтоб ночью, друг мой, посетить тебя!
Но будь верна!

КРЕССИДА

Опять – «верна»! Зачем
Ты это повторяешь?

ТРОИЛ

Дорогая!
Стройны, красивы молодые греки,
Природою одарены богато,
Притом умеют развивать искусно
Природные дары. Всегда влечет
Нас новое. Увы! Я знаю – ревность
Внушает мне тревогу; но пойми,
Что это грех простительный.

КРЕССИДА

О боги!
Не любишь ты меня!

ТРОИЛ

Да будь я проклят,
Коль это так! Не в верности твоей
Я выразил сомненье, а в своих
Достоинствах: я не умею петь,
Отплясывать ла-вольт, сладкоречиво
Беседовать, затейных игр не знаю, –

421

А греки все в таких делах искусны.
Но в этих совершенствах несомненно
Таится дьявол, искушая нас.
О, не поддайся этим искушеньям!

КРЕССИДА

Ужель ты сомневаешься во мне?

ТРОИЛ

Нет, но порою против нашей воли
Мы демонами для себя самих
Являемся и обуздать не в силах
Ни слабостей, ни склонностей своих.

ЭНЕЙ

(из дома)

Царевич!

ТРОИЛ

Поцелуемся, простимся!

ПАРИС

(из дома)

Троил, мой брат!

ТРОИЛ

Иди сюда, Парис!
Пускай Эней и грек войдут с тобою.

КРЕССИДА

А ты, любимый, будешь ли мне верен?

ТРОИЛ

Я буду ль верен? Верность ведь порок,
Мне свойственный. Не хитростью лукавой,
А верностью своей и простотой
Известен я. Пусть медные короны
Себе другие пышно золотят,
А мой венец лишь верностью украшен.
Не бойся, друг мой! Я таков уж есть:
Мне свойственны лишь простота и честь.

Входят Эней, Парис, Антенор, Деифоб и Диомед.

422

ТРОИЛ

Привет мой Диомеду! Вот Крессида,
За Антенора отданная грекам.
Ее тебе вручу у врат троянских.
Храни ее, о достославный грек,
И помни: если встретимся мы в битве
Крессиды имя сделает священным
Тебя и жизнь, твою, как самого

Приама в Илионе.

ДИОМЕД

Не спеши
Благодарить, прекрасная Крессида,
Царевича. Краса твоих очей
Тебе охраной служит. Диомеду
Как госпожа приказывай отныне!

ТРОИЛ

Ты, грек, со мною обошелся грубо,
Пренебрегая просьбою моею
И вознося Крессиды красоту.
Но знай – она превыше всех похвал,
Ты недостойн быть ее слугою.
Нет, это я тебе повелеваю:
Храни ее, не то, клянусь Плутоном,
Будь даже сам Ахилл тебе охраной,
Тебе я горло перережу.

ДИОМЕД

Полно,
Троил, не горячись! Ведь я посол:
Моя особа неприкосновенна.
Поговорим мы позже, но запомни,
Что никого я слушать не привык
И сам я по достоинству сумею
Крессиду оценить. Тебе ж мой нрав
Ведит сказать открыто: ты неправ!

ТРОИЛ

Что ж, подождем. Но в битве, Диомед,
За эти речи ты мне дашь ответ. –
Дай руку мне, Крессида. Близок час.
Поговорим с тобой в последний раз.

ТРОИЛ, КРЕССИДА и ДИОМЕД уходят.

Слышен звук трубы.

423

ПАРИС

Чу! Это Гектора труба!

ЭНЕЙ

Я слышу.
Он будет упрекать меня, наверно:
Я обещал его опередить.

ПАРИС

Троил тому виной. Идем скорее.

ДЕИФОБ

Да, нужно подготовиться и нам.

ЭНЕЙ

Как молодой жених, с веселым пылом
За Гектором вослед мы поспешим.
Сей день решит судьбу и славу Трои:
Коль он герой, то все мы с ним герои.

Уходят.

СЦЕНА 5.

Греческий лагерь. Поле поединка.

*Входят Аякс, вооруженный; Агамемнон, Ахилл, Патрокл, Менелай,
Улисс, Нестор и другие.*

АГАМЕМНОН

Ты свеж и бодр, и ты сюда явился,
Опережая время. Разбуди же,
Аякс бесстрашный, Трою звуком трубным.
Пусть самый воздух, страхом потрясенный,
Противника великого зовет
На место боя.

АЯКС

(трубачу)

Вот мой кошелек!
Труби, каналья, чтобы медь трубы
Надулась, чтобы легкие трещали!
Труби, упруго щеки раздувая,
Как ярый Аквилон! Пусть лопнет грудь,

424

Пусть брызнет крови ток из глаз твоих –
Труби, труби! Ты Гектора зовешь!

Звук трубы.

УЛИСС

Никто не отвечает.

АХИЛЛ

Слишком рано.

АГАМЕМНОН

Что это? Диомед и дочь Калхаса?

УЛИСС

Да, это он; я узнаю походку:
Он на носки ступает, ибо духом
Всегда стремится к небу вознестись.

Входят ДИОМЕД и КРЕССИДА.

АГАМЕМНОН

Ответствуй мне, Крессида ль это?

ДИОМЕД

Да!

АГАМЕМНОН

Приветствую прекрасную Крессиду!

НЕСТОР

Тебя наш царь поцеловать желает.

УЛИСС

Но он пока один тебя целует,
А мы бы рады все поцеловать.

НЕСТОР

Разумно и учтиво. Так начну я:
Сей поцелуй от Нестора прими.

(Целует ее.)

АХИЛЛ

Позволь Ахиллу с уст твоих прелестных
Стереть холодный старца поцелуй!

МЕНЕЛАЙ

И я когда-то целовался тоже!

ПАТРОКЛ

(становится между Менелаем и Крессидой и, целует ее)

Но кончилась теперь твоя пора:
Парис предерзкий отнял, торжествуя,
Твои права – и право поцелуя.

УЛИСС

Его рога мы шуткой золотим,
Но из-за них мы жизни не щадим!

ПАТРОКЛ

Был первый поцелуй за Менелая,
Второй же – за меня.

(Вторично целует ее.)

МЕНЕЛАЙ

Ну, ты того...

ПАТРОКЛ

Парис и я – целуем за него.

МЕНЕЛАЙ

Ну нет, свой поцелуй и сам возьму я.

КРЕССИДА

Возьмешь иль дашь? Чего-то не пойму я.

ПАТРОКЛ

Возьму и дам.

КРЕССИДА

Нет, вовсе не хочу я:
Неравноценны наши поцелуи.

МЕНЕЛАЙ

Три за один тебе я обещаю.

КРЕССИДА

Я равноценное предпочитаю.

МЕНЕЛАЙ

Да что ж? Ужель я не чета другим?

КРЕССИДА

Ты не чета Парису, ясно мне:
Ты стал нечетным по его вине.

МЕНЕЛАЙ

Царапнула!

КРЕССИДА

Случайно, может быть.

УЛИСС

Нет, ноготком рога не повредить.
Прекрасная! Прошу о поцелуе!

КРЕССИДА

Проси.

УЛИСС

Его я жажду.

КРЕССИДА

Так проси же.

УЛИСС

Клянусь Венерой. Поцелую сам,
Когда Елена возвратится к нам.

КРЕССИДА

Так я должница. Поцелуй за мной.

УЛИСС

Далек и день и поцелуй такой.

ДИОМЕД

Прекрасная Крессида, нам пора.

(Уходит вместе с Крессидой.)

НЕСТОР

Ну и развязна ж!

УЛИСС

Не терплю таких.
Что говорят ее глаза и губы

И даже ноги? Ветреность во всех
Ее движеньях нежных и лукавых.
Противна мне и резвость языка,
Любому открывающая сразу
Путь к самым тайникам ее души.
Как стол, накрытый для гостей случайных,
Она добыча каждого пришельца.

Звук трубы.

ВСЕ

Труба троянца!

АГАМЕМНОН

Вот они идут.

Входят ГЕКТОР, ЭНЕЙ, ТРОИЛ и другие знатные троянцы со свитой.

ЭНЕЙ

Привет вам, гордость Греции! Обсудим,
Как наградить того, кто победит,
И что считать победою. Должны ли
Противники сражаться до конца,
Иль поединок прекратим сигналом
Каким-либо условным? Это Гектор
Велел спросить.

АГАМЕМНОН

А сам он как желает?

ЭНЕЙ

Он примет все условия охотно.

АХИЛЛ

Я Гектора повадку узнаю:
Заносчив он и слишком презирает
Противника.

ЭНЕЙ

Ты, кажется, Ахилл
По имени?

АХИЛЛ

Ну да, Ахилл, конечно.

ЭНЕЙ

Так вот, Ахилл, отныне твердо помни:
С великим он велик, а с малым – мал.
Он доблестен и горд неизмеримо.
Взвесь истинную цену слов моих:
Не гордость это, а скорей учтивость.
Аякс – наполовину нашей крови, –
И Гектор наш, сразиться собираясь
С полутроянцем, искренне решил
Употребить лишь половину сил.

АЯКС

Хитро! Так поединок будет плевый!

Входит Диомед.

АГАМЕМНОН

А вот и Диомед, наш славный воин.
Ты за Аякса обсуди с Энеем
Условия: до смерти ли сражаться
Героям, или до потери сил?
Противники не зря единой крови,
Их мир уже пред боем наготове!

Аякс и Гектор занимают место для боя.

УЛИСС

Они готовы! Можно начинать.

АГАМЕМНОН

Кто сей троянец, столь печальный с виду?

УЛИСС

Приама младший сын, отличный воин,
Годами юн, но смел и верен слову;
Он не речист, зато делами славен,
Не дерзок он, но дерзких не прощает;
Он прямодушен, щедр и сердцем чист;
Все, чем богат, отдаст, что мыслит – скажет;
Он низости не терпит никакой,
Но разумом страстей не умеряет;
Как Гектор, смел, но Гектора опасней:

В пылу сражения нередко Гектор

Щадит бессильных, – этот же в сраженьи
Ужасен, как любовник оскорбленный.
Его зовут Троилом и вторым
Героем после Гектора считают, –
Так в Илионе мне сказал Эней,
Который знает юношу отлично.

Трубы.

ГЕКТОР и АЯКС сражаются.

АГАМЕМНОН

Сражаются!

НЕСТОР

Теперь держись, Аякс!

ТРОИЛ

Будь бдительнее, Гектор!

АГАМЕМНОН

Он метко бьет! Так-так, Аякс, отлично!

ДИОМЕД

Достаточно.

Трубы умолкают.

ЭНЕЙ

Дадим сигнал отбоя!

АЯКС

Нет, рано! Я еще не распалился!

ДИОМЕД

Как пожелает Гектор.

ГЕКТОР

Что ж! Довольно!

Ты мне родня, ты сын сестры Приама,
И нам родство по крови запрещает
В соревнованье нашем допустить
Исход кровавый. Если б мы могли
Сказать о каждой части тела: вот
Та целиком троянская рука,
Та – греческая; кровь отца течет
В одной щеке, зато в другой струится

Все греческие мышцы и суставы
Отведали бы моего меча.
Но праведные боги запрещают,
Чтоб пролил я хотя бы каплю крови,
Меня роднящей с матерью твоей!
Нет! Не хочу я осквернить свой меч!
Дай, обниму тебя, Аякс любезный!
Клянусь Юпитером: твоя рука
Сильна. Так потряси ж рукою этой
Мне руку, брат!

А Я К С

Спасибо, славный Гектор.
Я вижу – ты и доблестен и добр!
Ведь я пришел сюда с одною мыслью –
Тебя убить и этим похваляться!

Г Е К Т О Р

Ну нет! Ведь даже сам Неоптолем
Едва ли Гектора сразить мечтает,
Хотя над ним давно сияет слава,
Провозглашая: «Вот он! Вот герой!»

Э Н Е Й

И греки и тroyанцы ожидают
Вестей о поединке.

Г Е К Т О Р

Мы ответим:
Мы обнялись, и все. Прощай, Аякс!

А Я К С

Когда б мои желанья уважались,
Я пожелал бы, чтобы Гектор славный
Как гость в шатрах у греков побывал.

Д И О М Е Д

И Агамемнон и Ахилл желают
Тебя увидеть, Гектор, без доспехов.

Г Е К Т О Р

Эней! Проси прийти сюда Троила,

А между тем пошли троянцам весть
О радостном исходе поединка. –

431

Дай руку мне, Аякс! Идем на пир!
Я рад увидеть греческих героев.

АЯКС

Сам Агамемнон вышел к нам навстречу.

ГЕКТОР

Ты всех мне поименно назови.
Ахилла по замашкам и по росту
Отменному узнать довольно просто.

АГАМЕМНОН

Приветствую тебя, о враг могучий,
От коего избавиться мечтал я!
Но не пойми слова мои превратно:
Пусть все, что предстоит, и все, что было.
Поглотит в этот день река забвенья.
Пускай одна лишь дружба торжествует.
Передаем тебе, великий Гектор,
От сердца к сердцу искренний привет.

ГЕКТОР

Благодарю, великий Агамемнон!

АГАМЕМНОН

(Троилу)

Привет тебе, достойный сын Приама!

МЕНЕЛАЙ

Позвольте мне, воинственные братья,
Привет царя и брата повторить.

ГЕКТОР

С кем говорю я?

ЭНЕЙ

С Менелаем славным.

ГЕКТОР

А, это ты? Спасибо. Я клянусь
Железной дланью Марса, как клянется

Венерой бывшая твоя супруга,
Что хорошо живется ей. Тебе же
Нет от нее привета.

432

МЕНЕЛАЙ

Замолчи!
Не поминай при мне ты это имя
Проклятое!

ГЕКТОР

Прости, я виноват.

НЕСТОР

Тебя, троянец смелый, видел часто
Я в битве. Ты прокладывал свой путь,
Как пламенный Персей, коня пришпорив
Фригийского, но, равнодушный к славе,
Не опускал ты своего меча
На головы поверженных тобою.
И часто я с восторгом восклицал:
«Вот это – сам Юпитер, жизнь дающий!»
Видал я также, как во время битвы,
Когда тебя кольцом теснили греки,
Ты, как борец на олимпийских играх,
Спокойно отдыхал. Лицо твое
Всегда закрыто было сталью шлема –
Теперь тебя без шлема лицезрю.
Твой дед со мной сражался. Был он смел,
Но, поклянись владыкой нашим Марсом,
Его с тобой равнять я не могу.
Позволь же заключить тебя в объятия!
Добро пожаловать, достойный воин!
Привет от старца!

ЭНЕЙ

Это древний Нестор!

ГЕКТОР

Я рад тебя обнять, о летописец!
Ты об руку со временем идешь
Уже давно, о достославный Нестор!

НЕСТОР

С тобой я рад бы силой состязаться,
Как состязуюсь тонкостью ума.

ГЕКТОР

Ну что же, я не прочь!

433

НЕСТОР

Ха-ха! Клянусь
Моей седою бородой, что завтра ж
Померялись бы мы, когда б я мог.

УЛИСС

Как странно мне, что могут стены Трои
Стоять, когда у нас ее основа.

ГЕКТОР

Известно мне, Улисс, твое витийство!
Ах, сколько пало греков и троянцев,
С тех пор как я увидел в Илионе
Послами Диомеда и тебя!

УЛИСС

Я предсказал тогда, что ожидает
Нас всех. Мои пророчества сбылись
Еще наполовину. Стены Трои
И башни, возносящиеся гордо
До неба, в прах повергнутся.

ГЕКТОР

Не верю!
Они пока стоят надежно. Кровью
За каждый наш фригийский камень грекам
Придется заплатить. Я знаю: время
Рассудит всех. Конец венчает дело,
И он придет.

УЛИСС

Оставим же ему
Решенье, храбрый, достославный Гектор!
Пока проследуй к нашему вождю,
А после загляни и в мой шатер.

АХИЛЛ

Нет, дорогой Улисс, ко мне он прежде

Придет. – О Гектор! Я тобой люблюсь!
Я жадно весь твой облик изучаю,
Чтоб наизусть тебя запомнить, Гектор!

434

ГЕКТОР

Кто это говорит? Ахилл?

АХИЛЛ

Ахилл!

ГЕКТОР

Так подойди! Дай разглядеть тебя!

АХИЛЛ

Смотри же всласть!

ГЕКТОР

Уже я насмотрелся.

АХИЛЛ

Не слишком скоро ль? Я вот, как барышник,
Тебя еще разглядывать готов.

ГЕКТОР

Разглядывай, читай меня, как книгу
О доблестях. Но многого, пожалуй,
Ты не поймешь. Ну что ж ты так упорно
Уставился?

АХИЛЛ

О, укажите, боги,
Какое место в этом сильном теле
Мне поразить, чтоб Гектора убить?
Хочу я знать, где будет эта рана?
Где эта брешь, отверстие, откуда
Дух Гектора великого уйдет?

ГЕКТОР

Бессмертные, на твой вопрос ответив,
Унизили б себя. Молчи, гордец!
Не думаешь ли ты, что так уж просто
Обдумать и найти надежный способ
Меня сразить?

АХИЛЛ

Да, думаю. И что же?

ГЕКТОР

Будь ты оракулом, вещая это,
И то б я не поверил. Берегись!

435

Уж я тебя убью, не обсуждая,
Куда ударить! Дивным шлемом Марса
Клянусь тебя всего изранить в битве! –
Простите, греки мудрые, что словом
Заносчивым сорвал он с уст моих
Ответ надменный; но слова делами
Я подтверждаю.

АЯКС

Мой брат, не горячись! –
Свои угрозы вы оставьте оба.
Случайно иль намеренно, в бою
Сойдетесь вы, имей лишь ты желанье. –
Но я боюсь, тебя уж не допустят
Сражаться с Гектором.

ГЕКТОР

Так что ж, Ахилл?
Коль ты не прочь – давай сойдемся в поле!
С тех пор как ты покинул дело греков,
Сражаться не с кем мне.

АХИЛЛ

Ты просишь, Гектор, –
Так завтра насмерть мы с тобою бьемся;
А нынче мы друзья.

ГЕКТОР

Что ж, по рукам!

АГАМЕМНОН

Вас, Греции великие мужи,
Прошу в шатер: все вместе попируем;
А там, коль это Гектору и вам
Приятно, – попирует он и с каждым
Из вас отдельно. – Бей же, барабан!

Играйте, трубы, громче! Славный воин
Высокой встречи воинской достоин!

Все, кроме ТРОИЛА и УЛИССА, уходят.

ТРОИЛ

Улисс высокородный, умоляю,
Скажи мне – где находится Калхас?

436

УЛИСС

В шатре, где Менелай живет, царевич.
Сегодня с ним пирует Диомед;
Он нынче не на землю, не на небо
Восторга полный устремляет взор,
А только на красавицу Крессида.

ТРОИЛ

А ежели тебя я попрошу,
Когда мы с Агамемноном простимся,
Туда пойти со мной?

УЛИСС

Готов, царевич!
А ты мне расскажи, кого Крессида
Оставила в стенах великой Трои,
Какой любовник там о ней томится?

ТРОИЛ

Смешон нам тот, кто хвастается раной
Глубокою. Веди меня, Улисс!
Она любима, любит и страдает,
Но жадный рок злосчастную терзает!

Уходят.

437

АКТ V.

СЦЕНА 1.

Греческий лагерь; перед шатром Ахилла.

Входят АХИЛЛ и ПАТРОКЛ.

АХИЛЛ

Я ночью греческим вином согрею
Ту кровь, что меч мой завтра охладит.
Патрокл! Мы угостим его на славу!

ПАТРОКЛ

А вот Терсит.

Входит ТЕРСИТ.

АХИЛЛ

Ну что, нарыв злоречья?
Что, пень трухлявый, новости какие?

ТЕРСИТ

Да вот тебе письмо, идол идиотопоклонников, тебе,
блестящая пустышка, письмо!

АХИЛЛ

Откуда, жалкое подобие образа человеческого?

ТЕРСИТ

Из Трои, воплощение глупости, из Трои.

438

ПАТРОКЛ

Ну как там Гектор у Агамемнона? Небось ты в шатер и не
прорвался?

ТЕРСИТ

Именно так: тер, тер, а не прорвался. Так всегда бывает,
когда чирей нарывает.

ПАТРОКЛ

Ловко сказано, Невзгода. Но к чему все эти выкрутасы?

ТЕРСИТ

Да замолчи ты, мальчишка. Нечего мне с тобой толковать.
Разве ты мужчина? Так, прислужница Ахиллова ложа...

ПАТРОКЛ

Что? Я – прислужница Ахиллова ложа? Это еще что такое?

ТЕРСИТ

Ну – наложница мужеского пола, если это тебе понятнее.
Этакая противоестественная мразь! Да нападут на вас все

распроклятые немочи, да поразят вас все катарры, подагры, боли в пояснице, грыжи, ломота в суставах, обмороки, столбняки, параличи! Да вытекут ваши глаза, да загноятся у вас и печень и легкие, да сведет вам и руки и ноги!

ПАТРОКЛ

Чего ты ругаешься, чертова перечница?

ТЕРСИТ

А разве я ругаю тебя?

ПАТРОКЛ

Нет, куцый огрызок, нет, непотребный сукин сын!

ТЕРСИТ

Нет, так что ж ты так растревожился, вонючий шматок шерсти, гнойная глазная повязка, рукава от жилетки! Эх, ты! И почему это мир переполнен такой мошкаррой, такой мелюзгой, умаляющей величие природы!

ПАТРОКЛ

Вон отсюда, желчный пузырь!

439

ТЕРСИТ

Ах ты, тухлое яйцо!

АХИЛЛ

Патрокл, любезный друг мой, не хочу я
Принять участие в завтрашнем бою.
Вот у меня посланье от Гекубы
И дочери ее – моей любимой,
И обе со слезами умоляют,
Чтоб клятву я сдержал. Я не могу
Ее нарушить. Пусть погибнут греки!
Я славою своей не дорожу,
Но эту клятву честно я сдержу.
Идем, Терсит, шатер украсим мой:
Сегодня ночью будет пир горой! –
Идем, Патрокл!

Ахилл и Патрокл уходят.

ТЕРСИТ

Да! Крови много, а мозгу мало; не диво, что эти молодчики спят! Вот кабы они спятили от избытка мозга и нехватки крови, так я, пожалуй, сам сумел бы их вылечить! Возьмем Агамемнона... Что ж! Он человек порядочный, только бабочек любит... Мозгу-то у него, впрочем, тоже не больше, чем серы в ушах. А вот его братец – забавная разновидность Юпитера: подлинный бык на цепочке. Рогоносец из рогоносцев! Ну что могло получиться из ума, наштигованного злостью, и злости, приправленной умишком? Только осел. Но это бы еще ничего, да ведь он еще и вол! И это бы еще ничего! Но он вдобавок полуосел и полувол. Нет, я охотней соглашусь быть мулом, собакой, кошкой, хорьком, жабой, ящерицей, совой, коршуном, вяленой селедкой – чем угодно, только не Менелаем. Нет! Кабы судьба сделала меня Менелаем, я бы взбунтовался. Ну чем бы я хотел быть, не будь я Терситом? Во всяком случае, лучше уж быть вошью в тряпье прокаженного, чем Менелаем! Ого! Сюда приближаются какие-то блуждающие огни!

Входят ГЕКТОР, ТРОИЛ, АЯКС, АГАМЕМНОН, УЛИСС, НЕСТОР, МЕНЕЛАЙ и ДИОМЕД с факелами.

АГАМЕМНОН

С пути мы сбились.

АЯКС

Нет, вдали огни.

440

ГЕКТОР

Я причинил вам хлопоты.

АЯКС

Пустое!

УЛИСС

Да вот Ахилл дорогу нам укажет!

Входит АХИЛЛ.

АГАМЕМНОН

Теперь прощай, прекрасный сын Приама!

Аякс тебя потом проводит сам.

ГЕКТОР

Спокойной ночи, повелитель греков!
Спасибо!

МЕНЕЛАЙ

Доброй ночи, славный воин!

ГЕКТОР

Прощай и ты, сладчайший Менелай!

ТЕРСИТ

Ну уж и сладчайший! Нашел к чему применить словечко!
Сладчайшая помойка! Сладчайший сток для нечистот!

АХИЛЛ

Желаю доброй ночи уходящим!
Приветствую пришедших!

АГАМЕМНОН

Так прощай!

АГАМЕМНОН и МЕНЕЛАЙ уходят.

АХИЛЛ

Ты, древний Нестор, с юным Диомедом
Побудьте с Гектором часок-другой.

ДИОМЕД

О нет! Я занят делом неотложным
И не могу опаздывать никак. –
Прощай, великий Гектор.

441

ГЕКТОР

Дай мне руку.

АХИЛЛ (тихо, Троилу)

Пойдем за факелом его, и он
Нас прямо приведет к шатру Калхаса.

ТРОИЛ

От всей души спасибо.

ГЕКТОР

Доброй ночи!

Диомед уходит; Улисс и Троил следуют за ним.

АХИЛЛ

Идемте же, идемте в мой шатер!

Ахилл, Гектор, Аякс и Нестор уходят.

ТЕРСИТ

Этот Диомед лицемер и проныра. Самый бесчестный плут из всех, кого я знаю. Я верю его льстивости не больше, чем шипенью змеи. На обещания он не скупится, как брехливая собака, но коли он хоть одно исполнит, так это уж такое чудо – вроде знаменья, – что впору астрологам предсказывать! Нет, уж скорее Луна станет светить, как Солнце, чем Диомед сдержит хоть одно свое обещание. Я, пожалуй, откажусь от удовольствия посмотреть на Гектора, но этого плута выслежу. Говорят, у него завелась какая-то троянская тварь, и шатер изменника Калхаса прикрывает их делишки. Пойду-ка следом. Ведь подумать только: везде разврат! Везде распутники! (*Уходит.*)

СЦЕНА 2.

Там же. Перед шатром Калхаса.

Входит Диомед.

ДИОМЕД

Эй, кто тут есть? Отвечайте!

КАЛХАС

(из шатра)

Кто там?

442

ДИОМЕД

Я – Диомед, а ты как будто Калхас? Но где же твоя дочка?

КАЛХАС

(из шатра)

Она сейчас к тебе выйдет.

Входят Улисс и Троил; останавливаются в отдалении; за ними Терсит.

УЛИСС

Стань так, чтоб факел нас не осветил.

Входит КРЕССИДА.

ТРОИЛ

Она! К нему?

ДИОМЕД

Питомице – привет!

КРЕССИДА

Мой милый опекун, одно словечко!

(Шепчет ему на ухо.)

ТРОИЛ

Так сблизилась!

УЛИСС

Она играет глазками с первым встречным!

ТЕРСИТ

Она играет, и на ней любой может играть: лишь бы ключ был!

ДИОМЕД

Так помни!

КРЕССИДА

Помню, помню, будь спокоен!

ДИОМЕД

Смотри же, чтоб дела не расходились
С твоими мыслями.

443

ТРОИЛ

Что ж это она должна так запомнить?..

УЛИСС

Тише! Слушай!

КРЕССИДА

Ах, милый грек, не соблазняй меня!

ТРОИЛ

О, подлость!

ДИОМЕД

Ну, а все же?

КРЕССИДА

Нет, не надо.

ДИОМЕД

Ну, хоть словечко. Что ты так боишься!

КРЕССИДА

Нет... не могу... Чего же хочешь ты?

ТЕРСИТ

Совсем безделицы: уединиться!

ДИОМЕД

Но ты ведь поклялась, что ты исполнишь!

КРЕССИДА

Ах, не лови меня на этой клятве,
Прекрасный грек! Чего-нибудь другого
Проси.

ДИОМЕД

Прощай.

ТРОИЛ

О, я молчать не в силах!

УЛИСС

Ну, что, троянец, скажешь?

444

КРЕССИДА

Диомед!

ДИОМЕД

Нет-нет, прощай: меня не одурачишь.

ТРОИЛ

Она дурачит лучшего, чем ты!

КРЕССИДА

Одно словечко на ухо.

ТРОИЛ

Проклятье!

УЛИСС

Царевич, ты расстроен. Удалимся,
Прошу тебя. Твой гнев растет и может
Ужасными словами разразиться.
Опасно здесь. Уйдем же, умоляю!

ТРОИЛ

Нет, подождем, прошу тебя.

УЛИСС

Довольно!
Уйдем. Ты вне себя. Уйдем, царевич!

ТРОИЛ

Нет, подожди.

УЛИСС

Но ты себя не сдержишь.

ТРОИЛ

Нет, подожди. Клянусь мученьем ада,
Ни слова не скажу!

ДИОМЕД

Так доброй ночи!

КРЕССИДА

Ты сердисься как будто?

445

ТРОИЛ

А тебя
Печалит это, жалкое создание?

УЛИСС

Сдержи себя, царевич!

ТРОИЛ

О Юпитер!
Да, я сдержу себя.

КРЕССИДА

Ах, опекун мой!

ДИОМЕД

Нет-нет, прощай: уж больно ты хитришь

КРЕССИДА

Да нет же, не хитрю я. Подойди же!

УЛИСС

Ты весь дрожишь, царевич. Уходи!
Ты вне себя.

ТРОИЛ

Вот по щеке его
Погладила.

УЛИСС

Идем, идем со мною.

ТРОИЛ

Нет, подожди. Юпитером клянусь:
Ни слова не скажу я. Как плотина,
Терпенье встало пред моей обидой.
Еще немного подождем.

ТЕРСИТ

Ведь как этот бес сладострастия щекочет их своим жирным
хвостом и распутными пальцами! – Смелей, паскудники,
смелей!

446

ДИОМЕД

Согласна ты?

КРЕССИДА

Да, можешь мне поверить!

ДИОМЕД

Так подари мне верности залог.

КРЕССИДА

Сейчас.

(Уходит.)

УЛИСС

Смотри, ты клялся все стерпеть.

ТРОИЛ

Не бойся; я не чувствую себя:
Уж я не я, а лишь одно терпенье.

Входит КРЕССИДА.

ТЕРСИТ

Ну ка! Где залог? Ну-ка! Ну-ка!

КРЕССИДА

Вот, Диомед, дарю тебе рукав.

ТРОИЛ

А где же клятва верности?

УЛИСС

Царевич!

ТРОИЛ

Я все стерплю. Я не подам и виду.

КРЕССИДА

Его залог! Ах, как меня любил он!
Изменница!.. О нет! Верни его!

ДИОМЕД

Да чей он?

447

КРЕССИДА

Чей бы ни был – он опять
В моих руках. Нет, не хочу я встречи
С тобою, Диомед. Оставь меня.

ТЕРСИТ

Тонкая игра! Bravo! Это не женщина, а бритва!

ДИОМЕД

Я отниму.

КРЕССИДА

Его?

ДИОМЕД Да-да, его!

КРЕССИДА

О боги! О залог любви бесценный!
Хозяин твой не спит и размышляет
И о тебе и обо мне, вздыхая,
Мою перчатку поднося к губам,
Как я тебя целую. – Только с сердцем
Моим ты у меня возьмешь залог!

ДИОМЕД

Я сердце раньше взял, теперь – залог.

ТРОИЛ

Поклялся я, что все стерплю спокойно.

КРЕССИДА

Нет, Диомед, ты не возьмешь залога.
Я дам тебе другое что-нибудь.

ДИОМЕД

Но чей он? Чей?

КРЕССИДА

Не все ль тебе равно?

ДИОМЕД

Нет, полно, ты признаешься мне, чей он.

448

КРЕССИДА

Любившего меня сильнее, чем ты.
Ты взял его. Бери же.

ДИОМЕД

Чей же он?

КРЕССИДА

Клянусь тебе Дианы светлой свитой,
И ей самой его не назову я.

ДИОМЕД

Так завтра сей залог на шлем надену,
Чтоб сразу подарившего найти.

ТРОИЛ

Будь ты хоть дьявол сам и на рогах

Носи залог мой – вызову тебя!

КРЕССИДА

Пусть говорят: что было, то прошло;
Я слово данное беру обратно.

ДИОМЕД

Прощай же! С Диомедом шутки плохи!

КРЕССИДА

Нет, погоди. Зачем же так легко
Ты сердишься?

ДИОМЕД

Я не люблю глумленья!

ТЕРСИТ

И я, клянусь Плутоном, но, вернее,
Я не люблю глумленья над собою,
А вообще – люблю.

ДИОМЕД

Так что ж, мне приходится?

449

КРЕССИДА

Приди, о боги!
Приди, хотя меня замучит совесть.

ДИОМЕД

Итак, прощай, до встречи.

(Уходит.)

КРЕССИДА

Приходи же!
Троилу вслед один мой глаз глядит,
Другим же глазом страсть руководит.
О слабый пол! Все наши заблужденья
Зависят от игры воображенья.
Наш ум глазам подвластен, потому
Никто не верит женскому уму.

(Уходит.)

ТЕРСИТ

Еще разумнее она б сказала,
Признавшись, что распутницею стала!

Улисс

Все кончено.

Троил

Да, все.

Улисс

Так что ж стоишь ты?

Троил

Хочу я закрепить к душе моей
Все слышанное мною, слог за слогом.
Я вспоминаю разговор их нежный,
И думается мне, что это сон.
Еще осталась в сердце искра веры,
Еще надежда силится упрямо
Оспаривать свидетельство ушей
И глаз моих. Ведь и они нередко
Клевещут и обманывают нас.
Крессида ль здесь была?

Улисс

Я не умею,
Царевич, привиденья вызывать!

450

Троил

Нет, это не она.

Улисс

Увы, она!

Троил

Нет, не она. Ведь я в своем уме?

Улисс

И я в уме. Но здесь была Крессида.

Троил

Нет, именем всех женщин я клянусь
И честью наших матерей – не верю!
Я не хочу поддаться клевете

Постыдной: ведь, Крессида опозорив,
Всех женщин опозорю я! Не верю!

УЛИСС

Но разве наших матерей она
Позорит?

ТРОИЛ

Нет, ведь это не она!

ТЕРСИТ

Он собственным глазам уже не верит.

ТРОИЛ

Нет, я не верю. То была другая,
То Диомедова была Крессида!
О, если красота имеет сердце,
А сердце клятвы свято соблюдает,
А клятвы соблюдать нас учат боги,
И если есть во всем закон и смысл, –
Так это не она. О, я безумен!
С самим собою спорить я готов.
Все двойственно, и восстает мой разум
На самого себя, неутомимо
Твердя одно: нет, это не Крессида!
В душе моей великая борьба:
Как странно неделимое двоится,
Становится и небом и землей;

451

Но так неуловимо их различье,
Что даже тонкой нитью Арахнеи
Нельзя его в пространстве обозначить.
О, верю, верю! Как врата Плутона,
Сознание непреложно, что с Крессидой
Я связан как бы узами небес.
О, знаю, знаю: ныне эти узы
Разорваны, растоптаны, разбиты;
Теперь она сама из их обрывков
Искуснейшими пальцами своими
Связала новый тоненький шнурочек,
Чтоб к Диомеду привязать себя.

УЛИСС

Троил достойный! Даже вполтину

Страдать, как ты страдаешь, тяжело.

ТРОИЛ

Да, грек! И боль свою запечатлеть
Кровавыми хочу я письменами,
Пылающими, словно сердце Марса,
Зажженное Венерой! Никогда
Никто, нигде так не любил, как я!
Крессида так же страстно я люблю,
Как страстно Диомеда ненавижу.
Он мой рукав на шлем себе нацепит.
Но, будь тот шлем самим Вулканом сделан,
Его разрубит меч мой. Дикий ветер,
Который называют ураганом,
Столб воздуха, сгущенный ярим солнцем,
Несется, поражая слух Нептуна,
Не столь стремительно, как ярый меч мой,
Который Диомеда поразит!

ТЕРСИТ

Уж взгреет он его за похотливость!

ТРОИЛ

Моя Крессида лжива! Лжива! Лжива!
Любое вероломство чище этой
Измены злой!

УЛИСС

Сдержи себя, царевич.
Твой страстный гнев вниманье привлечет.

Входит Эней.

452

ЭНЕЙ

Я целый час ищу тебя, царевич.
В доспехах Гектор. Он собрался в Трою.
Аякс готов вас проводить обоих.

ТРОИЛ

Иду, иду! – А ты, мой друг, прощай!
Прощай, змея-изменница! А тот
Грек пусть башку свою побережет!

УЛИСС

Я провожу тебя.

ТРОИЛ

Прощай. Спасибо.

Уходят.

ТЕРСИТ (*выступает вперед*)

Эх, вот бы мне повстречать этого пройдоху Диомеда! Я бы покаркал над ним, что твой ворон, напророчил бы ему беду! А, пожалуй, Патрокл мне что-нибудь даст, если я расскажу ему об этой шлюхе: он таких любит, как попугай – миндальные косточки. Распутство и разбой, разбой и распутство – это всегда в моде! Ах, припеки их дьявол в самое уязвимое место. (*Уходит.*)

СЦЕНА 3.

Троя. Перед дворцом Приама.

Входят ГЕКТОР и АНДРОМАХА.

АНДРОМАХА

Ужели мой супруг настолько гневен,
Чтобы моим молениям не внимать?
Сними доспехи! В битву не ходи!

ГЕКТОР

Молчи, не то могу тебя обидеть!
Уйди! Клянусь богами: я решил.

АНДРОМАХА

Недобрый сон я видела сегодня.

453

ГЕКТОР

Молчи, я говорю.

Входит КАССАНДРА.

КАССАНДРА

Где брат мой Гектор?

АНДРОМАХА

Он здесь, сестра моя! Он рвется в бой.
О, станем на колени перед ним,
Чтоб внял он просьбам нашим и молениям:

Тревожный сон всю ночь меня томил
Скоплением смутным призраков кровавых.

КАССАНДРА

О, то был вещий сон!

ГЕКТОР

Трубите, трубы!

КАССАНДРА

Не надо, брат мой, заклинаю небом!

ГЕКТОР

Уйди, сестра! Богами я поклялся!

КАССАНДРА

Но боги глухи к неразумным клятвам
Разгневанных: так порченная печень
Лишь оскверняет жертвоприношение.

АНДРОМАХА

О мой супруг! Нельзя считать священным
Деянье, причиняющее вред!
Ведь если мы добытое разбоем
На дело милосердия отдаем,
Мы злого дела тем не искупаем.

КАССАНДРА

Обетов сила в их разумном смысле;
Бессмысленность их крепости лишает.
Сними доспехи, Гектор!

454

ГЕКТОР

Замолчи!
Наперекор судьбе, во имя чести
Пойду я. Жизнь всем людям дорога,
Но лучшим людям – честь дороже жизни.

Входит ТРОИЛ.

Что, юноша? И ты решил сражаться?

АНДРОМАХА

Кассандра, пусть отец его попросит!

КАССАНДРА *уходит.*

ГЕКТОР

Нет, юный брат мой, тыними доспехи;
Сегодня я сражаться буду сам.
Пока твои не укрепятся мышцы,
Превратностей войны не искушай.
Ты храбр, мой брат, и можешь быть героем,
Но нынче я один сражусь за Троию.

ТРОИЛ

Брат, за тобой один порок я знаю,
Присущий больше льву, чем человеку.

ГЕКТОР

Что ж, назови его, мой милый брат.

ТРОИЛ

Когда твой славный меч на павших греков
Как ураган обрушиться готов.
Ты говоришь врагу: «Вставай! Живи!»

ГЕКТОР

Но это ж честно!

ТРОИЛ

Это глупо, Гектор!

ГЕКТОР

Что, что сказал ты?

ТРОИЛ

Да, клянусь богами!
Пусть жалостливы матери седые;

455

Но мы, когда в доспехах мы, должны
Лишь месть нести на поднятых мечах,
Безжалостно искореняя жалость.

ГЕКТОР

Но это дикость!

ТРОИЛ

Это суть войны!

ГЕКТОР

Троил, не должен ты сражаться нынче.

ТРОИЛ

А кто меня посмеет удержать?
Ни рок, ни Марса длань и жезл горящий,
Ни матери Гекубы, ни отца
Коленопреклоненного рыданья,
Ни ты, мой славный брат, своим мечом –
Никто остановить меня не в силах,
Одна лишь смерть.

Входят КАССАНДРА и ПРИАМ.

КАССАНДРА

О, удержи его, Приам, отец мой!
Он посох твой! Опору ты теряешь,
А ты – опора Трои, и с тобою
Все рушится!

ПРИАМ

Подумай, сын мой Гектор!
Жене и матери твоей приснилось
Недоброе. Сестра твоя вещает
Недоброе, и сам я здесь, томимый
Предчувствием, к тебе сейчас взываю:
Не уходи!

ГЕКТОР

Эней давно уж в поле.
Послал я вызов грекам. Честь моя
Велит сегодня утром мне явиться
Пред ними!

456

ПРИАМ

О мой сын, не уходи!

ГЕКТОР

Нет, не могу нарушить слово я,
Отец любимый! О, не принуждай
Меня презреть сыновнее почтение!
Ты сам меня пошли и отпусти,
О царственный Приам!

КАССАНДРА

Не отпускай!

АНДРОМАХА

Не отпускай его, отец любимый!

ГЕКТОР

Меня ты рассердила, Андромаха!
Коль дорог я тебе, так уходи!

АНДРОМАХА уходит.

ТРОИЛ

А эта суеверная девчонка
Своими снами всполошила всех,
Безумная!

КАССАНДРА

Прощай любимый Гектор!
О, ты уж мертв! Твой взор уже затмился,
И кровь течет из страшных ран твоих!
Как Троя плачет! Как вопит Гекуба,
Как страшно Андромаха голосит!
Повсюду плач и дикое смятенье;
Все, как безумные, себя не помня,
Кричат: «Он умер! Гектор, Гектор умер!»

ТРОИЛ

Довольно! Прочь отсюда!

КАССАНДРА

Я уйду!
Прощай же, Гектор. Меч уж занесен:
Падешь и ты и славный Илион!

457

ГЕКТОР

Отец, не слушай слов ее безумных,
Ободри всех, скажи, что бранной славой
Нас озарит сегодня бой кровавый.

ПРИАМ

Прощайте, дети. Да хранят вас боги!

ПРИАМ и ГЕКТОР уходят в разные стороны.

Тревога.

ТРОИЛ

Вот, началось! Ну, Диомед, гордец,
Теперь-то мы сочтемся наконец!

Входит ПАНДАР.

ПАНДАР

Постой, постой, царевич!

ТРОИЛ

Что такое?

ПАНДАР

Да вот письмецо пришло тебе от одной бедной девочки.

ТРОИЛ

Дай, я прочту.

ПАНДАР

Ох, проклятушая чахотка! Подлая сучья чахотка вконец
меня замучила. Да еще огорчает меня несчастная судьба
этой девочки. Ох-ох-ох! Не то, так другое будет-таки
причиной моей смерти. Видишь: у меня и глаза стали
слезиться, а в костях такая дьявольская ломота – просто не
знаю, что и подумать. Ну, так что ж она там пишет?

ТРОИЛ

Слова, слова, слова – а сердца нет!

(Разрывает письмо.)

А дело обстоит совсем иначе.

Слова на ветер, и письмо – на ветер.

Меня словами в заблуждение вводит.

А для другого нежный час находит!

ТРОИЛ и ПАНДАР уходят в разные стороны.

458

СЦЕНА 4.

Поле между Троей и греческим лагерем.

Тревога. Стычки.

Входит ТЕРСИТ.

ТЕРСИТ

Вот это так сцепились! Пойду-ка посмотрю поближе. Этот наглый пройдоха Диомед привязал-таки себе на шлем рукав влюбленного троянского молокососа. Вот бы посмотреть, как они встретятся! Вот кабы молодой троянский осел, влюбленный в шлюху, отколошматил этого сластолюбивого греческого паскудника так, чтобы тот вернулся к своей распутнице ни с чем в полном смысле слова! Да! Впрочем, и хитрости всех остальных мудрых пройдох тоже гроша медного не стоят. Нестор весь прогнил, как изъеденный мышами сыр, а Улисс – помесь пса с лисицей. Натравил ублюдка Аякса на такого же кобеля – Ахилла; а теперь один кобель важничает перед другим. Аякс не желает сегодня сражаться, и греки по этому случаю решили отбросить всякие тонкости и вести себя, как варвары! Здорово!

Входят ДИОМЕД и преследующий его ТРОИЛ.

ТРОИЛ

Стой! Не беги! Ведь даже в волны Стикса
Я брошусь за тобою!

ДИОМЕД

Не бегу я!
Я только отступил, чтобы сражаться
В удобном месте, от толпы подальше.
Ну что ж, троянец, нападай! Держись!

ТЕРСИТ

Держись, держись за свою потаскушку, грек; и ты за свою,
троянец! Эй, рукав, рукав!

ТРОИЛ и ДИОМЕД уходят, сражаясь.

Входит ГЕКТОР.

ГЕКТОР

Эй, кто ты, грек? Ты с Гектором сразиться
Достоин ли по крови и по званию?

ТЕРСИТ

Нет-нет, куда там. Я бедный прохвост, паршивый зубоскал,
грязный проходимец.

ГЕКТОР

Я верю этому. Тогда – живи!

(Уходит.)

ТЕРСИТ

Да благословят тебя боги за то, что ты мне поверил, но за то, что напугал меня, желаю тебе сломать шею. Однако надо бы разузнать, что случилось с теми двумя развратниками. Они ведь, пожалуй, проглотят один другого. То-то бы я посмеялся такому чуду! Хотя это и не чудо вовсе. Похоть всегда сама себя пожирает. Пойду-ка поищу их! *(Уходит.)*

СЦЕНА 5.

Другая часть поля сражения.

Входят ДИОМЕД и СЛУГА.

ДИОМЕД

Скорей возьми Троилова коня
И отведи его к моей Крессиде.
Скажи, что я красе ее служу.
Влюбленного троянца уничтожив,
Я буду рыцарем ее теперь.
Иди скорей!

СЛУГА

Иду, мой господин!

Входит АГАМЕМНОН.

АГАМЕМНОН

Вперед! Смелей! Жестокий Полидам
Поверг Менона, а Маргарелон
Ублюдок в плен Дорея захватил;
С копьём стоит он каменным колоссом
Над трупами поруганных царей
И Кедия и Эпистропа; ранен
Наш Поликсен; Фоад и Амфимах
Смертельно ранены; Патрокл, наверно,
Убит или пленен, а Паламед
Истерзан страшно; яростный Стрелец
Внушает ужас грекам. – Диомед!
Спешим на помощь, или все погибнут!

Входит НЕСТОР.

НЕСТОР

Патрокла труп Ахиллу отнесите
 И пристыдите увальня Аякса.
 Смотрите, Гектор носится как вихрь:
 То смело скачет на коне Галафе,
 То, спешившись, сражается в строю –
 И греки разбегаются, как стаи
 Пугливых рыб от мощного кита;
 То он, как жнец, в другом конце сраженья
 Срезает греков – и они ложатся,
 Как спелые колосья под серпом.
 Везде и всюду Гектор возникает,
 Губя и милую. Он увлечен
 Настолько, что способен все что хочет
 И даже невозможное свершить.

Входит Улисс.

УЛИСС

Смелей, смелей, воители! Ахилл
 Вооружился. Он отметить клянется
 За смерть Патрокла. Он рычит и плачет.
 Он увидал, как Гектор изувечил
 Злосчастных мирмидонцев: без носов,
 Без рук они вернулись с поля боя.
 Аякс, лишившись друга, обезумел;
 Как бешеный, оружием потрясая,
 Троила ищет он. Троил сегодня
 Неслыханные подвиги свершил.
 Он жизнью рисковал неустрашимо,
 И счастье, вопреки его безумству,
 Ему давалось в руки.

Входит Аякс.

АЯКС

Трус, трус Троил! Эй, где ты?

ДИОМЕД

Вот он! Вот он!

НЕСТОР

Идемте все туда.

Ахилл

Где Гектор, где?
Убийца слабых! Где ты? Покажись!
Узнаешь ты, каков Ахилл во гневе!
Где Гектор? Гектор! Гектора ищу я!

Уходят.

СЦЕНА 6.

Другая часть поля сражения.

Входит Аякс.

Аякс

Троил! Где трус Троил? Да выходи же!

Входит Диомед.

Диомед

Где, где Троил?

Аякс

А что тебе?

Диомед

Его

Хочу я проучить.

Аякс

Ну нет, не выйдет!
Я уступил бы, будь я полководцем,
Всю власть тебе, но только не Троила.
Эй, где Троил?

Входит Троил.

Троил

Остановись, предатель,
И за коня мне жизнью заплати.

Диомед

Ах, ты нашелся!

Аякс

Диомед, ни с места!
Я, я один хочу сразиться с ним.

462

Диомед

Нет, я не уступлю: он мой по праву.

Троил

Так нападайте ж оба, хвастунишки!

Уходят, сражаясь.

Входит Гектор.

Гектор

Ага, Троил! Отлично, молодец!

Входит Ахилл.

Ахилл

Ах вот ты где! Так нападай же, Гектор!

Гектор

Передохни сперва.

Ахилл

Противна мне
Заботливость твоя, троянец дерзкий!
Я понимаю – на руку тебе
То, что в бездействии я долго пробыл
И притупил оружие свое.
Но скоро ты меня узнаешь; ныне ж
Иди, куда идешь.

Ахилл уходит.

Гектор

Сейчас простимся,
Но я не прочь бы кости поразмять,
С тобой сразившись.

Входит Троил.

Брат мой, что случилось?

Троил

Эней пленен Аяксом! Невозможно!
Клянусь великим пламенем небесным –
Не дам Энея! Отобью Энея!
Иль буду сам пленен! Я докажу,
Что жизнью я уже не дорожу.

(Уходит.)

Входит воин в блестящих доспехах.

463

ГЕКТОР

Стой, гордый грек! Ты – знатная добыча.
Не хочешь? Стой! Попорчу, изломаю
Я драгоценные твои доспехи,
Но овладею ими все равно.
Беги же, зверь, охотиться сумею
Я за отличной шкурою твоею!

Уходят.

СЦЕНА 7.

Другая часть поля сражения.

Входят Ахилл и мирмидонцы.

АХИЛЛ

Запомните приказ мой, мирмидонцы:
Везде и всюду следуйте за мною,
Не нанося ударов, наготове.
Я Гектора кровавого найду, –
Тогда набросьтесь на него мгновенно
Со всех сторон, рубите, не щадя.
За мною: Гектора удел решен:
Я вас веду – погибнуть должен он!

Уходят.

Входят МЕНЕЛАЙ и ПАРИС сражаясь; за ними – ТЕРСИТ.

ТЕРСИТ

Здорово! Рогоносец сцепился с рогодельцем. – А ну-ка,
бык! – А ну-ка, пес! Кусь-кусь, Парис, кусь-кусь, воробушек!
Эй, бык тебя одолеет, берегись его рогов! Эй, берегись!

ПАРИС и МЕНЕЛАЙ уходят.

Входит МАРГАРЕЛОН.

МАРГАРЕЛОН

Остановись, презренный, и сражайся!

ТЕРСИТ

А ты-то кто!

МАРГАРЕЛОН

Побочный сын Приама.

464

ТЕРСИТ

Я и сам побочный сын и люблю побочных. Я и зачат побочно, и воспитан побочно, и умен побочно, и храбр побочно: все, что во мне есть, незаконно. Свой своему поневоле брат, так что мы с тобою братья. Чего же нам кусать друг друга? Остерегись. Нам обоим от ссоры один только вред: коли сыновья распутниц сражаются из-за распутницы, то они привлекают на свои головы небесное правосудие. Так что прощай, ублюдочек! (*Уходит.*)

МАРГАРЕЛОН

Черт бы тебя забрал, трус ты этакий! (*Уходит.*)

СЦЕНА 8.

Другая часть поля сражения.

Входит ГЕКТОР.

ГЕКТОР

Как плод внутри гнилой, он был хорош
Лишь с виду и за это поплатился.
Закончен день. Сниму доспехи с плеч.
От крови отдохни, мой славный меч.

(Снимает шлем и кладет меч и щит рядом с собой.)

Входят АХИЛЛ и мирмидонцы.

АХИЛЛ

Взгляни-ка, Гектор, как заходит солнце,
Как ночь ползет уродливо за ним.
День кончится сейчас, и, знаю я,
С ним, Гектор, жизнь окончится твоя.

ГЕКТОР

Я безоружен. Драться не хочу я.

АХИЛЛ

Все на него! Вот тот, кого ищу я!
Теперь пади, Пергам, погибни, Троя:
Повержен тот, кто был твоей душою!
Ликуйте, мирмидонцы, все крича:
Пал Гектор от Ахиллова меча!

Трубят отбой.

Что слышу я? Отбой трубят у греков?

465

МИРМИДОНЦЫ

И у троянцев тоже, храбрый воин!

АХИЛЛ

Ночь, как дракон, крылом покрыла землю
И разделила армии врагов.
Мой меч почти насытился, но все же
Наутро вновь полакомиться сможет!
Убитого я привязать велю
К хвосту коня: врага я посрамлю!

Уходят.

СЦЕНА 9.

Другая часть поля сражения.

Барабанный бой.

Входят АГАМЕМНОН, АЯКС, МЕНЕЛАЙ, НЕСТОР, ДИОМЕД и другие. За сценой крики.

АГАМЕМНОН

Что там за шум?

НЕСТОР

Я слышу барабаны.

Крики за сценой:

Ахилл! Ахилл! Ахилл! Повержен Гектор!

ДИОМЕД

Кричат, что Гектор побежден Ахиллом!

А Я К С

Ну что ж! Хвалиться нечем: Гектор был
Не хуже и не лучше, чем Ахилл.

А Г А М Е М Н О Н

Пошлем гонца Ахилла попросить
Шатер мой царский нынче посетить,
Коль боги нам послали смерть героя,
Конец раздорам, ибо пала Троя!

Уходят под барабанный бой.

466

СЦЕНА 10.

Другая часть поля сражения.

Входят Эней, Парис, Антенор, Деифоб и троянские воины.

Э Н Е Й

Здесь простоять должны мы до рассвета.
Не двигаться отсюда ни на шаг!

Входит Троиц.

Т Р О И Ц

Убит великий Гектор!

В С Е

Гектор! Боги!

Т Р О И Ц

Он мертв, и труп его, к хвосту коня
Привязанный убийцей, поруганью
Позорно предан. О, нахмурься, небо!
О боги, боги, пощадите Троиц,
Послав ей гибель скорую как милость,
Чтоб нам позора своего не видеть.

Э Н Е Й

Царевич! Речь твоя умы смущает.

Т Р О И Ц

Меня превратно понимаешь ты;

Не чувствую я страха перед смертью;
Уверен я, что небеса и люди
Нас утратить ничем уже не могут.
Нет Гектора! О, кто из нас решится
Приаму и Гекубе принести
Такую весть? Кто, страшною совой
Явившись в Трою, крикнет: «Гектор умер!»
Кто превратит Приама в хладный камень,
И в Ниобей, слезами исходящих,
Всех наших дев и жен? О, это слово
Всю Трою умертвит! Идем, идем!
Наш Гектор пал – зачем же мы живем?
Смотрите: вот шатры врагов надменных,
Пришедших на фригийские поля!
Как только встанет Гелиос, бесстрашно

467

Я нападну на них! Тогда тебе,
О жалкий трус, нигде, нигде не скрыться.
Не знает ненависть моя преград.
Я буду гнаться за тобой повсюду,
Как злая совесть, что рождает бреды
И демонов уродливых плодит.
Идите в Трою смело и спокойно:
За Гектора мы отомстим достойно.

Эней и троянские воины уходят.

С другой стороны входит ПАНДАР.

ПАНДАР

Постой!

ТРОИЛ

Прочь, мерзкий сводник! Срам и стыд
Пускай тебя навеки заклеят.

(Уходит.)

ПАНДАР

Вот это называется доброе лекарство от ломоты в костях! Ах, люди, люди, люди! Как презирают они своих посредников! Плохо нам живется, предателям и сводникам! Как охотно принимают наши услуги, когда они нужны, и каково нам потом приходится! Почему это так ценят нашу работу, а

ремесло наше так презирают? Эх, надо бы об этом стишок сложить. С чем бы это сравнить? Ну-ка, попробую:

Резвится пчелка – весело ей жить,
Пока способна мед она носить.
Без меда и без жала – что в ней толку?
Все обижают бедненькую пчелку.
Всем торгашам, промышляющим человеческим телом, надо
бы написать такое на стенах своих комнат.
Средь вас немало сводников, друзья.
Поплачьте, видя, как обижен я!
А если нету слез – так постоните,
Мои больные кости помяните.
Друзья по ремеслу, прошу всех вас:
Я завещанье вам прочту сейчас.
Но говорить я все-таки не смею:
Есть дамы здесь; пред ними я робею.
Пойду опять трудиться, ну а вам
Болезни по наследству передам!

(Уходит.)

621

«ТРОИЛ И КРЕССИДА»

Жанр, датировка, скрытый смысл, обстоятельства возникновения – все представляет в этом шекспировском произведении ряд загадок, донныне не нашедших своего окончательного разрешения.

Пьеса была издана при жизни Шекспира лишь один раз – в 1609 году, большим кwartо, под заглавием: «История о Троиле и Крессиде, как она исполнялась его величества слугами, в театре «Глобус». Сочинение Уильяма Шекспира». Издание это вышло в свет в двух вариантах, разница между которыми, при полном тождестве текста, сводится лишь к следующему. Во втором варианте заглавие на титульном листе имеет более распространенную форму, а именно: «Славная история о Троиле и Крессиде, превосходно изображающая зарождение их любви, с занимательным посредничеством Пандара, принца Ликийского», но притом без указания на то, что пьеса когда-либо ставилась. Кроме того, этот второй вариант снабжен анонимным предисловием (по-видимому, принадлежащим издателю), в котором сообщается, что пьеса эта никогда не исполнялась на сцене, и расхваливается ее тонкое остроумие, недоступное непросвещенным зрителям.

Существует несколько гипотез, пытающихся объяснить это противоречие. Простейшее из них заключается в том, что пьеса была поставлена как раз в то самое время, когда она печаталась, а издатель после первого представления распорядился внести в еще не отпечатанные экземпляры упоминание о ее постановке и снять противоречащую этому фразу предисловия.

Кварто дает вполне удовлетворительный текст пьесы, к которому, видимо, и восходит текст фолио 1623 года. Но издатели последнего, без

622

сомнения, пользовались помимо кварто еще каким-то более полным списком пьесы, потому что фолио содержит ряд мест, отсутствующих в кварто, иногда объемом по 4-5 строк. Так как одни места переданы лучше в кварто, а другие – в фолио, в критических изданиях оба эти источника комбинируются.

Датировка пьесы устанавливается на основании следующих данных. В нескольких произведениях 1603 и 1604 годов содержится несколько намеков на пьесу. С другой стороны, в ней самой можно усмотреть намек на пьесу Бена Джонсона «Стихоплет» («Poetaster»), поставленную в 1601 году. Всего вероятнее поэтому, что шекспировская пьеса была написана в 1602 году.

Кроме указания в части тиража кварто, никаких других сведений о том, что пьеса когда-либо исполнялась, до нас не дошло. Возможно, что она была задумана как произведение чисто «литературное», не предназначенное для сцены (с этим вполне согласуется предисловие второго варианта кварто), что в 1609 году была все же сделана запоздалая попытка показать ее на сцене, но что затем ввиду отсутствия всякого успеха у публики она никогда больше не возобновлялась.

Как показывают типографские признаки, издатели долго колебались, к какому разделу шекспировских пьес следует отнести «Троила и Крессида» – к разделу комедий, трагедий или даже хроник (с последними пьесу сближает трактовка батальных сцен, особенно в V акте, а также типическое слово «история» в ее заглавии). Действительно, она содержит элементы всех этих трех основных жанров елизаветинской драматургии. Но самое замечательное в ней – наличие нигде больше у Шекспира не встречающейся черты пародийного (или в особом смысле сатирического) характера при весьма неожиданной, чисто трагической развязке (двойное крушение – верности, честности, красоты любви Троила и доблести и благородства в лице Гектора).

Обстоятельство это, как думают, находит свое объяснение в том, что пьеса «Троил и Крессида» явилась отчасти откликом на знаменитую «войну театров», разыгравшуюся в Лондоне в 1600-1602 годах.

В 1602 году по неизвестным нам причинам произошло некоторое охлаждение между Шекспиром и Беном Джонсоном, пьесы которого, раньше ставившиеся шекспировской труппой, больше ею не принимались. Одновременно с этим разгорелась полемика между Беном Джонсоном и его бывшими сотрудниками по сочинению пьес, придерживавшимися более свободного направления, – Деккером и Марстоном. Обе стороны обменялись рядом сатирических, взаимно обличительных пьес. Последние и наиболее резкие из них были: «Стихоплет» Бена Джонсона и «Бич сатирика» («Satiromastix») Деккера.

Шекспир, как думают, не остался в стороне от этой перепалки. В анонимной сатирической пьесе того времени «Возвращение с Парнаса» после насмешек над «всеми этими учеными господами» говорится (устаами комика шекспировской труппы Кемпа), что «Шекспир закатил Вену Джонсону слабительное, совсем его

подкосившее». Этим «слабительным», полагают, и была пьеса «Троил и Кресеида». Здесь Шекспир не только своей крайне свободной трактовкой античного материала бросил вызов «ученому педанту» Бену Джонсону, но и изобразил его самого под видом грузного (намек на телосложение Бена Джонсона) и чванящегося своим умом Аякса. А в то же время, чтобы отмежеваться от своего полусоюзника, грубоватого и безвкусного в своем творчестве Марстона, Шекспир изобразил его в лице Терсита, говорящего много горькой правды, но облакающего ее в отталкивающую по своей грубости форму. Возможно, наконец, что Ахилл – это драматург Чепмен

623

(так же как и Бен Джонсон – один из «ученых господ»), незадолго перед этим (1598) опубликовавший свой перевод нескольких песен «Илиады», где, в противоположность средневековым трактовкам этого сюжета (о чем см. ниже), именно Ахилл, а не Гектор представлен высшим образцом доблести.

Надо, однако, заметить, что есть и другое объяснение слов Кемпа. Многие исследователи считают, что они вовсе не намекают на «Троила и Крессиду», а относятся к незадолго перед тем написанному «Юлию Цезарю», которым Шекспир хотел будто показать Бену Джонсону, любителю римских трагедий, – вот как надо писать трагедии на античные темы. Существует, наконец, и такое мнение, что значение «войны театров» было сильно преувеличено, что это была чисто «домашняя» стычка актеров между собой, лишенная всякой остроты и принципиальности. Во всем этом вопросе нам определенно недостает точных данных, и мы вынуждены читать между строк, строя догадки. Однако, если принять вышеуказанную гипотезу (Бен Джонсон – Аякс), в вопрос вносится ясность, и дело можно представить себе так.

Задумав первоначально изобразить историю Троила и Крессиды, Шекспир, во время своей работы захваченный упомянутой литературной полемикой, решил попутно откликнуться на нее, используя для этой цели второстепенные для его замысла фигуры греческих героев, которые по характеру сюжета все равно должны были появиться в его пьесе. Но эта двойственность задачи неизбежно привела к растрепанности сюжета (во второй половине пьесы сатирическая тема совсем оттесняет лирическую) и к стилистической ее пестроты. В самом деле, можно различить в пьесе три части, написанные совершенно различными стилями: часть лирическую (любовь Троила и Крессиды), очень близкую по стилю к «Ромео и Джульетте», часть гротескно-сатирическую (Терсит и Аякс) и часть военно-героическую (оба поединка Гектора). Но такая стилистическая сложность не выходит за пределы того, что мы наблюдаем и в некоторых других произведениях Шекспира, например в «Генрихе IV», где также соединены три стилистически очень разнородные части: основная, «политическая» фабула, показ Хотспера в его семейной обстановке и фальстафовские сцены. Именно если подойти к «Троилу и Крессиде» как к пьесе типа «хроник», в этом смешении нет ничего противоречащего шекспировской поэтике.

Совершенно излишни поэтому различные гипотезы, стремящиеся объяснить эту многопланность пьесы моментами внешнего порядка, например тем, что Шекспир, сначала написав пьесу, исключительно посвященную Троилю и Крессиде, затем (ок. 1609 г.) сильно ее переработал, добавив другие части, но не согласовав их в достаточной степени с сохраненными им частями первой редакции, или же что пьеса эта – плод работы нескольких авторов, почти механически объединивших написанные ими части.

Впрочем, независимо от подобных соображений и основываясь исключительно на моментах конкретного стилистического анализа, можно допустить, что некоторые места написаны не самим Шекспиром (хотя и в соответствии с его планом пьесы), например очень небрежно сделанные в художественном отношении V, 4-9, Пролог и Эпилог (каковым, по существу, является заключительная речь Пандара).

Первоисточником всех средневековых обработок сказания о Троянской войне явилась не гомеровская поэма, а две подложные хроники – так называемая «Хроника» Диктиса, будто бы сочиненная греком, участвовавшим в этой войне, а на самом деле возникшая в позднегреческий период и переведенная в IV веке н. э. на латинский язык, и – в еще большей степени – «Хроника» Дарета, будто бы написанная другим свидетелем

624

Троянской войны, фригийцем Даретом, на деле же сочиненная на латинском языке в VI веке н. э. В этой второй хронике события излагаются с точки зрения троян, и этим отчасти объясняется тенденция всех средневековых версий всячески превозносить Гектора и других троянцев, умаляя славу греческих героев. Обе названные хроники были во второй половине XII века использованы французским поэтом Бенуа де Сент-Мор, который в своем «Романе о Трое» присочинил любовную тему: он превратил Бризеиду (в «Илиаде» так именуется дочь Бриса, возлюбленная Ахилла) в дочь Калханта (у которого в «Илиаде» есть дочь Хрисеида, играющая совсем другую роль), сделав ее неверной возлюбленной Троила.

К роману Бенуа восходит целый ряд дальнейших обработок любовной истории Троила, и в том числе роман Боккаччо (ок. 1338 г.) «Филострато» (где героиня называется Гризеида), подражанием которому является поэма Чосера (ок. 1372 г.) «Троил и Кризида». В свою очередь, поэма Чосера была использована Лиджетом («Осада Трои», ок. 1420 г.) и Кекстоном («Собрание историй о Трое», 1475).

Помимо Чосера, Лидгета и, вероятно, Кекстона Шекспир использовал также для некоторых деталей поэму «Завещание Крезиды» Р. Хенрисона, напечатанную в виде приложения к изданию Чосера 1532 года. Но кроме всего этого он знал также и гомеровскую версию, скорее всего по переводу Чепмена: «Семь книг Илиады» (I-II и VII-XI) 1598 года, откуда он и заимствовал образ Терсита.

Сюжет этот несколько раз обрабатывался в драматической форме еще до Шекспира. В 1516 году детская труппа королевской капеллы исполняла пьесу «Троил и Пандар». Около 1545 года ставилась «Комедия о Троиле» (по Чосеру) Никаса Гримолла. В 1572 году детской труппой Виндзорской капеллы была

разыграна при дворе пьеса «Аякс и Улисс». Наконец, к 1599 году относится пьеса Четтля и Деккера «Троил и Крессида». Все эти произведения, текст которых до нас, к сожалению, не дошел, были, вероятно, неизвестны Шекспиру и, во всяком случае, почти наверное не оказали на него никакого влияния.

Разнообразие источников явилось одной из причин того, что Шекспир очень свободно скомпоновал фабулу своей пьесы. Но гораздо важнее мелких сюжетных отступлений вполне оригинальная окраска Шекспиром изображаемых им событий и разработка главных характеров. Сюда относятся, с одной стороны, глубокий лирический тон любовных сцен между Троилом и Крессидой, а с другой стороны, пародийно-сатирическое изображение греческих героев. Следуя даретовской традиции, Шекспир чрезвычайно ее усиливает. Ни в одной из предшествующих ему версий не встречается такого яркого изображения благородства Гектора (и отчасти Троила) и такого гротескного очернения греков. Его Агамемнон, гомеровский «пастырь народов», необыкновенно беспомощен; Аякс – воплощение самодовольной тупости; Менелай – неуклюж и смешон; Ахилл – эгоистичен, нагл и вероломен; Диомед (которого Крессида называет «сладкоречивым») – до крайности груб и прямолинеен. Исключение сделано только для Улисса, представленного в очень достойном виде. Но наиболее оригинально, конечно, разработаны роли Терсита, а также Пандара, образ которого очень интересовал Шекспира – уже раньше (см. «Двенадцатая ночь», III, 1; «Виндзорские насмешницы», I, 3; из позднейших пьес – «Конец-делу венец», II, 1). Слово «pandara» в значении «сводник» встречается много раз в пьесах Шекспира, который более чем кто-либо способствовал превращению собственного имени Пандара в имя нарицательное. При такой пестроте и многопланности действия вполне естественно, что ряд других образов (Елена, Патрокл, Приам и т. д.) оказался очерченным очень бледно.

625

Однако все до сих пор сказанное относится лишь к истории сюжета и развития пьесы, не затрагивая основной ее мысли, образующей ее внутреннее единство, несмотря на всю пестроту и кажущуюся растрепанность содержания. Единство это заключается в пессимистическом и трагическом жизнеощущении Шекспира, возникающем в эту пору и окрашивающем в черный цвет все его восприятия и оценки человеческих отношений.

Фон пьесы – война, взятая с самой мрачной своей стороны, лишенная пленительных героических иллюзий и поставленная на службу лишь темной, стихийной страсти – кружащей голову чувственной любви. Пятнадцать веков человеческое воображение окружало лучезарным ореолом миф о деяниях несравненной доблести, свершенных в древности ради любви прекраснейшей из жен. И вдруг Шекспир говорит: смотрите, вот она, тупая, бессмысленная бойня, лишенная правды, красоты, благородства. Ибо это борьба не за какие-либо положительные ценности, а единственно лишь за престиж, за фетиш чести, за мираж своего достоинства.

Троянский царевич Парис похитил у царя Менелая его жену Елену Спартанскую, и вся Греция поднялась с оружием в руках, чтобы потребовать ее возвращения. Но сам Менелай равнодушен к судьбе супруги, и народам Греции участь ее безразлична. Они объединились под верховным началом царя Агамемнона, но на самом деле полны непокорности и личных раздоров. Тщетно Улисс в своей знаменитой речи о «порядке» (I, 3) призывает греков к единству, согласованности действий, дисциплине, ссылаясь на стройность и соразмерность всего сущего, на гармонию в деятельности природных сил, – среди греческих вождей господствуют личные интересы, бушуют раздоры и распри.

Несколько иную картину видим мы в Трое. Здесь больше дисциплины и единства. Но все же у троянцев нет полного убеждения в правоте того дела, за которое они борются. Стоит им выдать грекам Елену – и кровопролитной, губительной войне конец. Но нет! Однажды Троя приняла в свои стены беглянку, как бы одоблив поступок Париса. Какое же основание имеет она ныне отказывать ей в приюте? Нет нужды, что для Гектора Елена – лишь «греческая блудница»¹. Ведь достоинство вещей, аргументирует тот же Гектор (II, 2), определяется не ими самими, а нашим мнением о них. И все троянские вожди с ним согласны. И вот, по горькой иронии судьбы, честнейший и прямодушнейший из троянских героев, Гектор, оказывается оплотом сопротивления требованию греков вернуть Елену... «Честь» решает.

На фоне этой борьбы за распутную гречанку разворачивается история трагической любви юного, благородного троянского царевича Троила к другой гречанке, оказавшейся заложницей в Трое, – Крессиде. Можно не до конца верить словам Пандара, что «не будь волосы ее потемнее, чем у Елены, нельзя бы и решить, которая из них лучше» (I, 1, стр. 330), но несомненно, что в судьбе обеих есть некое соответствие и переключка. Нельзя не признать однобоким и грубым отзыв о Крессиде Улисса, видящего в ней просто блудницу (IV, 5). Крессиде пленительна тем, что воплощает в себе чистую женственность со всеми ее положительными и отрицательными проявлениями. Она нежна, ласкова, почтительна. Нельзя ей отказать ни в непосредственности, ни в бескорыстии. Единственно, в чем ее можно обвинить, – это в чрезмерной податливости и впечатлительности. Ей недостает контроля над

626

своими чувствами². Сама она значительно вернее и тоньше, нежели практик Улисс, определяет свою натуру:

О слабый пол! Все наши заблужденья
Зависят от игры воображенья.
Наш ум – глазам подвластен; потому
Никто не верит женскому уму.

(V, 2; см. также предыдущую сцену).

Партнер Крессиды – юный, благородный и мечтательный царевич Троил – многими чертами напоминает Ромео. Он был бы, вероятно, еще более Ромео, если бы Крессида была Джульеттой. Есть даже известные соответствия в обстановке, в которой протекает начало их любви. Ритуал, совершаемый Пандаром (III, 2), – пародия на обряд любви Ромео и Джульетты, как и их «альба» – пародия на разлуку веронских любовников.

Но вскоре линии судьбы Троила и Ромео расходятся. Троил начинает ревновать, и в характере его чувства сказывается материальная природа его страсти. Когда он ревнует, в нем восстает не оскорбленное нравственное чувство (как у Отелло), а бесится обыкновенная мужская ревность. Но так же, как у Ромео, страдание возвышает его мысли, и отсюда – прекрасное надгробное слово его Гектору (V, 10).

Из других персонажей нет надобности останавливаться на характеристике тупого и чванного Аякса, окаменелого в своей важности Агамемнона, болтливового и смешноватого Нестора, грубовато-рыцарственного Диомеда, наглого драчуна Ахилла или совсем бесцветных «псевдоантагонистов» – Менелая и Париса.

Наиболее значителен Улисс – воплощение мудрости, но лишь мудрости обыденной жизни, здравого смысла, неспособного возвыситься над своим ограниченным уровнем. О последнем говорит не только его плоское суждение о Крессиде, но и совершенная неспособность к поэтическому полету мысли. Этой последней чертой он противостоит в пьесе Троилу, носителю крылатой человеческой мысли.

Женских образов в пьесе, помимо Елены и Крессиды, почти нет. Есть два более или менее положительных образа среди троянок – Кассандра и Андромаха. Но, увы, одна из них без ума, а другая безнадежно ограничена в своей семейной стихии.

Оба лагеря имеют своих сатириков и разоблачителей: греки – Терсита, троянцы – Пандара. Это очень значительные, едва ли не ведущие фигуры в пьесе. Терсит изображен уже в «Илиаде». Но здесь он значительно шире по размаху действия. В «Илиаде» он издевается, лишь над греческими вождями, осыпая их грязной бранью; у Шекспира он высмеивает решительно все на свете, не зная предела и удержу своему сквернословью. Но замечательная вещь – многие из его издевательств находят у нас понимание и сочувствие. Есть доля истины в его насмешках над отношениями между Патроклом и Ахиллом, над дутой важностью Агамемнона, над твердокаменной тупостью Аякса. Мерзко в нем лишь то, что он обобщает свои оскорбления, поливая все грязью. Отбросы и нечистоты – вот стихия, в которой он живет и черпает свой жизненный тонус. Иного рода циник, более тонкий и опасный, – Пандар.

Если Терсит универсален и принадлежит всем временам, то в Пандаре – своднике и посреднике в темных любовных делишках – мы находим фигуру достаточно типичную для эпохи Возрождения, представителя больных и извращенных сторон ее. Тут вспоминается Панург Рабле и герои плутовских испанских романов; да и в самой Англии и ее литературе можно найти немало ярких образов угодливых

посредников, перепродавцов порока. Это придает образу Пандара огромную ударную силу, а его горький, мерзкий эпилог – мерка желчности пьесы.

Как истый троянец, рыцарь и аристократ, он не лишен своеобразного изящества и остроумия, и это делает его образ особенно одиозным и поистине угрожающим.

Одной из характерных особенностей пьесы являются мысли, лишь отчасти облаченные в характеры и нередко оторванные от действия и выраженные монологически. Самым выдающимся примером этого может служить уже цитированная нами речь Улисса о «ступенях» и повинении (I, 3). Если она еще может быть связана как-то с характером Улисса, то совершенно отделена от него и целиком абстрактна другая его речь – о Времени, Забвении, Зависти и т. д. (III, 3).

Очень характерен также монолог Гектора о «предмете» и «мнении» (II, 2), имеющий мало отношения к характеру Гектора.

Пьеса содержит несколько мест, полных высокой поэзии: таково хотя бы появление Кассандры (II, 2) или упомянутое надгробное слово Троила над трупом Гектора (V, 10). Их уже достаточно для того, чтобы снять с пьесы обвинение в пародировании античности, которое Шлегель считал «святотатственным». Но несомненен антиромантический уклон пьесы, направленный целиком против двух былых кумиров человечества: войны и эроса.

Шекспир опрокидывает в этой пьесе одновременно и наивный оптимизм Чосера и средневеково-рыцарское осмысление легенды о Трое. Война – бойня, эрос – все растлевающая похоть – таков аспект, который Шекспир придает этим двум силам мира.

«Троила и Крессида», по существу, очень близка к двум пьесам Шекспира: «Конец – делу венец» и «Мера за меру», которые вместе с данной комедией некоторые английские критики любят причислять к «циническим» комедиям Шекспира. В сближении их между собой они безусловно глубоко правы. Но они неправы в заглавии, которое дают Этому жанру. Как «цинизм» Пароля и Люцио (в «Мере за меру») можно счесть точкой зрения самого Шекспира, столь же мало он отвечает и за цинизм Терсита и Пандара, изображая их полемически. Но он показывает всю меру опасности, заключенную в них, для подлинной человечности, так же как в одновременно написанных своих великих трагедиях он показывает, но уже в чисто трагедийном плане, всю меру опасности, таящейся в бытии.

А. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «ТРОИЛА И КРЕССИДЫ»

Стр. 327. Дардания – страна дарданцев, то есть троянцев.

Стр. 335. Бриарей (греч. миф.) – сторукий великан.

Аргус (греч. миф.) – стоглазый великан.

Стр. 339. ...любители тухлых яиц, которые едят невылупившихся цыплят – Намек на молодость Троила.

пятьдесят сыновей. Троиц говорит, что у него на подбородке пятьдесят один волосок, а если Елена насчитала их пятьдесят два, то потому, что один из них двойной – намек на то, что Парис «рогат» ввиду двоемужия Елены.

Стр. 357. ...полезно это будет мирмидонцу... – Ахилл был царем фессалийского племени мирмидонцев.

Стр. 359. Задави тебя наша греческая чума! – Согласно Гомеру, в греческом лагере в это время свирепствовала чума.

Прозерпина (греч. миф.) – супруга Плутона, царя подземного мира. Цербер – пес, стерегущий вход в него.

Стр. 360. ...как берберийского раба. – Берберия – северо-западная Африка.

Стр. 366. ...взамен сестры Приама престарелой, которую в плену держали греки... – Согласно сказанию, Парис поехал в Грецию требовать возвращения своей тетки, сестры Приама, которую отец ее отдал в жены Теламону, отцу Аякса. Греки отказались выдать ее. После этого Парис похитил Елену.

Стр. 368. Как головня, сожжет ее Парис! – По преданию, царица Гекуба перед рождением Париса видела во сне, будто родила пылающую головню.

Стр. 369. ...как те юнцы, которых Аристотель считает неспособными постичь моральной философии значение. – Согласно преданию, Гектор жил за несколько веков до Аристотеля. У Аристотеля говорится только то, что юноши неспособны к политике. По-видимому, выраженная здесь мысль заимствована у Бэкона.

Стр. 371. Кадуцей – жезл Меркурия, изогнутый наподобие змеи.

...болезнь, которая именуется из скромности неаполитанской. – Так называли сифилис.

Стр. 375. Ноги ему служат, но сгибаться не могут! – Существовало ошибочное мнение, что у слона не сгибаются ноги.

Стр. 378. ...и угли подбавлять в созвездье Рака... – Созвездье Рака, через которое солнце проходит летом, считалось очень жарким.

Гиперион – у греков другое имя для обозначения бога Феба – Аполлона; в переносном смысле – солнце.

Стр. 381. Милон, быка таскавший... – Имеется в виду Милон Кротонский (VI в. до н. э.), знаменитый греческий атлет, который однажды поднял на плечи

четырёхгодовалого быка, четыре раза обошел с ним все ристалище и затем съел всего этого быка в течение одного дня.

Стр. 385. Нелли (англ.) – уменьшительное от имени Елена.

...он умеет печь на все лады и ловок все улаживать. – Насмешка над сводническими наклонностями Пандара.

Стр. 386. ...с этой совратительницей Крессидой. – Некоторые текстологи читают в этом месте «disprouser» (разлучница), полагая, что Крессида разлучает Троила с его семьей, собирающейся вместе за ужином. Добавим, что во всем этом диалоге распределение речей между действующими лицами и некоторые намеки в их репликах являются предметом споров между комментаторами.

Стр. 390. Стикс (греч. миф.) – река, обтекающая подземное царство.

Харон, согласно греческой мифологии, – лодочник, перевозящий через реку Ахерон души умерших в подземное царство.

Стр. 392. В свите Купидона нет и не бывает чудовищ!

629

– Речь идет о торжественных представлениях и шествиях в честь божеств любви с аллегорическими фигурами и сценами.

Стр. 400. ...великий сын Фетиды! – Ахилл был сыном Фетиды, богини моря (греч. миф.).

Стр. 403. ...богов подвигли на соревнованье... – Согласно Гомеру, во время походов греков на Троию боги разделились на два лагеря: одни приняли сторону греков, другие, в том числе бог войны Арес (Марс), – троянцев.

...что в дочь Приама ты влюблен. – Ахилл был влюблен в дочь Приама Поликсену, которая на сцене не выводится.

Пирр – сын Ахилла, более известный под именем Неоптолема.

Стр. 407. ...разве что скрипач Аполлон... – Аполлон был большим мастером игры на кифаре (старинный струнный инструмент).

Стр. 409. Клянусь Анхизом и рукой Венеры... – Эней клянется своими родителями: Венера – его мать, Анхиз, знатный троянец, – его отец.

Стр. 420. Возьми рукав... – В рыцарском быту, черты которого Шекспир в этой пьесе переносит в античность, наряду с перчатками и лентами залогом любви нередко служили отстегивающиеся рукава.

Ла-вольт – французский танец, модный во времена Шекспира.

Стр. 423. Аквилон (греч.) – северный ветер.

Стр. 430. Ведь даже сам Неоптолем... – Так Гектор называет Ахилла. Это неточность Шекспира: Неоптолем – имя сына Ахилла (иначе называемого Пирром), но драматург принял его за фамильное имя, принадлежащее также и Ахиллу.

Стр. 432. ...как пламенный Персей, коня пришпорив фригийского... – Мифический герой Персей летал на крылатом коне Пегасе.

Твой дед со мной сражался. – Дед Гектора – троянский царь Лаомедон, против которого Нестор некогда воевал вместе с Гераклом.

Стр. 438. Невзгода – одна из аллегорических фигур средневекового театра.

Стр. 439. А вот его братец – забавная разновидность Юпитера: подлинный бык на цепочке. – Юпитер превратился в быка, чтобы похитить дочь финикийского царя, Европу, в которую он влюбился. Менелай – бык в двойном смысле слова: по грубости своей натуры и как носитель рогов (обманутый муж).

Стр. 448. Клянусь тебе Дианы светлой свитой... – Светлая свита богини луны Дианы – звезды.

Стр. 451. Арахнея, или Арахна (греч. миф.) – искусная пряжа, которая вызвала на состязание богиню Афины и за дерзость была ею превращена в паука.

Стр. 454. ...за тобой один порок я знаю, присущий больше льву, чем человеку. – У Плиния рассказывается, что лев не трогает животных, которые смиренно склоняются перед ним.

Стр. 459. Стрелец – чудовище, подобное кентавру, сражавшееся будто бы на стороне троянцев.

Стр. 464. Все на него! Вот тот, кого ищу я! – Ни в одном из источников не рассказывается о том, что Гектор был столь вероломно убит по приказу Ахилла. У Лидгета сходным образом описывается смерть Троила.

630

Стр. 466. Ниобея – жена фиванского царя Амфиона, мать четырнадцати детей, гордившаяся ими перед Латоной, возлюбленной Зевса (Юпитера), имевшей от него только двух детей – Аполлона и Артемиду (Диану). За это Аполлон и Артемида наказали ее, перебив всех ее детей стрелами, после чего сама Ниобея от слез превратилась в соляной столб.

А. Смирнов

¹ Уже в «Оскорбленной Лукреции» Елена названа у Шекспира «шлюхой».

² Любопытно, что у Чосера Крессида уступила мольбам Диомеда из жалости.